
Алексей Сурож
Том3. Лиссабонский эндшпиль

Алексей Сурож

Том3. Лиссабонский эндшпиль

Серия «Сутана богоборца», книга 3

https://litres.ru/74724414
SelfPub; 2026

Аннотация

Третий, завершающий том трилогии «Сутана богоборца». Бескомпромиссная хроника о том, как историей двигали глобальные торговые пути, финансовые инструменты, максимизация прибыли от торговых операций и сухой макроэкономический расчет.

Вековой Левант — банкрот. Турецкие пушки запечатывают Босфор, а разгром венецианско-османского флота при Диу закрывает Красное море. Итальянский капитал эвакуируется на Запад. На смену караккам приходят португальские нао. В Севилье и Антверпене рождается наднациональная система — Биржа, где торгуют обязательствами и паями. Канцелярский демиург Латерана Лучано де ла Коста и банкиры Фуггеры стягивают железные челюсти Пиренейского Левиафана Габсбургов, чтобы изолировать океанский прорыв Лиссабона. Мир накануне эпохи великих географичеких открытий. В это время на востоке образуется независимое от Святого Престола государство — Москва замыкает ресурсы в руках самодержца и строит

самодостаточную систему, защищенную от чужих финансовых правил.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 41
Глава 3 77
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Алексей Сурож
Том3. Лиссабонский эндшпиль

Глава 1

ПРОЛОГ

Три тяжелые кастильские каракки во главе с флагманом «Санта-Мария-де-ла-Седе» дрейфовали у черных скал мыса Анага. С запада, со стороны Тенерифе, шла рваная атлантическая зыбь, лениво раскачивая массивный форштевень флагмана. Кастильские аркебузиры, закованные в тяжелые кирасы, то и дело вытирали пот с лиц, лениво переговариваясь и до боли в глазах вглядываясь в предрассветную серую мглу. Три недели бесплодного ожидания высушили команду. Лиссабонский караван, груженный гвинейским золотом торгового дома Гомеша, должен был пройти именно здесь, каботажным маршрутом вдоль Канарских островов, но море оставалось пустым. И вдруг предрассветный туман на горизонте разорвали два стремительных косых силуэта.

— Паруса на бакборт! Идут, дон Альваро! — истошно заорал марсовый из бочки на грот-мачте. — Две португальские каравеллы! Идут кильватерным строем!

— Свистать всех наверх! — рявкнул штурман каракки, хватаясь за рукоять кортика.

Палуба мгновенно взорвалась пронзительной трелью боцманских дудок. Матросы лавиной посыпались на ванты, хватая марса-фалы.

— Ставьте прямые паруса! Закладывай брасы! Ложись на перехват! — гремели команды дона Альваро де Мендоса. Огромные полотнища грота и фока с тяжелым хлопком поймали попутный ветер. Кастильский флагман тяжело довернул, набирая ход и устремляясь в погоню, чтобы на встречном галсе намертво зажать португальцев в горловине скал.

Кастильский флагман являл собой классический силовой Левиафан старой Суши — громоздкая каракка водоизмещением под триста тонн, с высокими, похожими на крепостные башни баком и ютом, предназначенными для размещения десятков стрелков. Корпус ее, сбитый из тяжелого прибрежного дуба, угрюмо щетинился с бортов медными бомбардами, стрелявшими каменными ядрами и способными крушить крепостные стены, но совершенно неповоротливыми в ближнем маневре. Дон Альваро де Мендоса, сухопутный гранд в вороненой кирасе, поверх которой была накинута тяжелая суконная пелерина с орденом Сантьяго, смотрел на море как на поле для привычной рыцарской сшибки. На-

вигацию он презирал, полагаясь на силу тарана, массу своего корабля и вес пяти десятков профессиональных инфантов-ветеранов, уже сжимавших в руках тяжелые мушкеты и кавалерийские мечи.

— Абордажную команду на бак! Готовить крючья!

На носу флагмана выросла стена из кованого железа. Ландскнехты крепили тросы к стальным лапам. До португальского флагмана «Эшпириту-Санту» оставалось не более двадцати корпусов. Кастильцы уже заносили крючья для броска, рассчитывая смять легкие суда под своей абордажной массой.

Но на юте передовой португальской каравеллы молодой штурман, чистокровный португалец Дуарте Мендиш, продолжал уверенно отдавать команды без намека на панику. Его взгляд был устремлен вверх — туда, где на наклонных латинских реях трепетали паруса.

Эти новые португальские каравеллы-латины «Эшпириту-Санту» и «Сан-Мигел» были полной противоположностью кастильским плавучим замкам. Легкие, со сквозным настилом палубы, низким ютом и острыми обводами кормы, они имели водоизмещение всего в полсотни тонн, но несли на трех наклоненных мачтах огромные треугольные паруса. Португальцы сознательно отказались от тяжелого осадного калибра: их вооружение состояло из дюжины легких длинноствольных фалконетов и скорострельных бомбарделл на вертлюгах, способных бить свинцовой картечью и цепны-

ми снарядами на упреждение. Капитаном флагмана шел старый морской волк Жоао Ваш — приземистый, просоленный штормами португалец с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и огрубевшими от канатов ладонями. Он прошел весь путь от Сеуты до Зеленого Мыса и знал, что в Океане выживает не тот, у кого толще броня, а тот, кто быстрее читает прилив.

Каравеллы скользили в узком коридоре: слева по борту пенился скалистый прибой Тенерифе, справа — грозно надвигалась кастильская махина.

— Дуарте, они зажимают нас к камням! — крикнул старый Жоао Ваш, налегая на румпель вместе со штурманом. — Если мы сделаем оверштаг сейчас, кастильцы просто чуть довернут руль по ветру и переедут нас всем корпусом!

— Надо продолжать идти тем же курсом и смотри на вымпельный ветер, — Мендиш криво ухмыльнулся, намертво перехватывая румпель. — Кастильские доны привезли сюда тонны железа и средневековую спесь, но они умеют ходить только на фордевинд и галфвинд, как безвольные бочки. Еще немного, и мы выиграем у них ветер.

«Эшпириту-Санту», не меняя курса, продолжала лететь вдоль береговой черты, заманивая преследователя в мертвую зону. Кастильцы на баке уже готовили тяжелые штурмовые крючья, ожидая неминуемого столкновения. Но в самый последний момент, когда португальский флагман почти настиг каравеллу, Дуарте вскинул руку:

— Товсь... Пли по снастям!

Пушки «Эшпириту-Санту» рявкнули продольным залпом. Цепные книппели со свистом ушли вдоль кастильской палубы, в клочья распарывая чужой рангоут и разрывая такелаж грот-мачты. И одновременно с грохотом выстрелов штурман навалился на румпель:

— Право руля! Оверштаг!

Команда сработала мгновенно — люди уже стояли на снастях. На баке матросы отдали наветренный галс, и марсовые с помощью эренс-бакштагов приготовились разворачивать огромные латинские реи. В ту же секунду передовая каравелла стремительно пошла носом на ветер. В момент, когда корабль встал четко против ветра в пороховом дыму, его обезветренные паруса затрепетали, реи со свистом перекинулись вокруг мачт, увлекая за собой тяжелые полотнища парусов на противоположный борт. Матросы мгновенно выбрали новые шкоты, зафиксировали галсы у палубы, и «Эшпириту-Санту» безупречно легла на крутой бейдевинд под тридцать градусов к ветру. Пролетев встречным курсом на расстоянии оружейного выстрела, португальский флагман проскользнул вдоль правого борта каракки — там, где кастильские пушки безмолвствовали, не готовые к бою.

Испанские капитаны растерялись. Не ожидая такой резвости против ветра, они попытались судорожно привести свои корабли к ветру, переводя каракки в бейдевинд. Но тяжелые прямые паруса дрогнули, обезветрились, и огромные махи-

ны, потеряв ход, встали носом к волне, беспомощно замирая прямо против шквала.

И в этот миг ведомая португальская каравелла, выдержав дистанцию в десять корпусов, с точностью до дюйма повторила маневр.

— Пли! — гаркнул капитан, и продольный залп португальских кулеврин окончательно срезал кастильские фалы. И тут же, без паузы: — Право руля! Оверштаг!

Нос рассек линию ветра, ванты натянулись, и вторая каравелла встречным курсом проскользнула мимо застывших кастильцев по правому борту. Абордажная команда на кастильском баке полетела на палубу вместе со своими бесполезными крючьями, погребенная под обломками собственной фок-мачты.

В сторону уходящих каравелл летели яростные проклятия. Оставшиеся два кастильских корабля, теряя управление, попытались с ходу скрутить оверштаги, но измученные матросские команды были к этому совершенно не готовы. Снасти запутались, прямые полотнища прижало к мачтам, и неповоротливые каракки начало стремительно сносить на прибрежные камни Тенерифе.

— Кортик мне в печень! Мать вашу, руби фок-галс! — кастильские капитаны исходили диким матом, срывая голоса в реве прибоя, пока их гордые корабли с треском садились днищами на каменистую банку мыса Анага.

Дуарте Мендиш оглянулся с юта на этот хаос.

— Океан больше не принадлежит вашим королям, доны, — его голос потонул в шуме ветра. — Мы увозим Гвинею в Лиссабон. Вы остались в прошлом.

ЧАСТЬ 1: Дебет Святого Престола

Рим, конец 1467 года

Рим в ноябре открывался с холмов золотисто-охряным маревом, в котором растворялись очертания вечных базилик и руины античных портиков. Холодный, хрустальный воздух, струящийся со стороны Тибра, приносил тонкий аромат обожженной глины, старого камня и увядающих садов.

Лучано де ла Коста спустил капюшон тяжелого дорожного плаща из лилльского сукна только тогда, когда копыта его породистого жеребца застучали по настилу моста Святого Ангела. Подковы высекали мимолетные искры из древних базальтовых плит, словно напоминая о пролетевших веках. Вокруг него плотным кольцом ехал эскорт: дюжина швейцарских копейщиков в сияющих кирасах и слуги в сукне глубокого пурпурного цвета — кавалькада, завороженные величием которой нищие паломники и уличные торговцы благоговейно расступались, провожая взглядами всадников.

За спиной Лучано оставался Борго — хаос из лачуг, сложенных из крошащегося туфа и обломков античных портиков, где вестфальские паломники сиплым кашлем вымаливали у прохожих медный пфенниг. Процессия пересекла

площадь перед старой базиликой Святого Петра и въехала во внутренний парадный двор Ватиканского дворца — мрачной, похожей на крепость громады.

Только здесь, у монументальных ступеней Апостольской канцелярии, Лучано спешился. Передав поводья подбежавшему конюшему и оставив эскорт во дворе, он вошёл внутрь. Его шаги гулко зазвучали в бесконечных, сырых коридорах, где эхо каменных сводов поглощало шорох его сутаны. Канцелярия вела свой вечный, изнурительный аудит.

В пролётах крытой галереи Кортиле дель Палацио бледные, замерзшие скрипторы Курии, кутаясь в подбитые дешёвым лисьим мехом мантии, торопливо чистили перья. У их ног стояли глиняные жаровни с углями, едва согревавшие пальцы. Из открытых дверей судебной Роты пахло дешёвым воском и кислым вином: там легаты из Кёльна и Лиона шумно спорили о десятине с виноградников, выкладывая на столы засаленные хартии. В коридорах Апостольской палаты служащие тащили окованные железом сундуки, в которых уныло звякала низкопробная серебряная монета — налоги из разорённых немецких епархий. Всё дышало тяжеловесной, консервативной рутиной. Но Лучано знал, что этот фасад благополучия обманчив. Ритм Империи уже начал выдавать сбои.

Заперев за собой тяжелую дубовую дверь личного кабинета в глубине Апостольской канцелярии, Лучано сбросил плащ. В комнате его уже ждали двое: генеральный тезавра-

рий Палаты и начальник Священной пенитенциарии. На столе, подрагивая в желтом пламени свечей, лежал развернутый гроссбух с сургучной печатью флорентийского банка Медичи.

— Наличных денег нет, монсеньор, — вместо приветствия тихо произнес тезаврарий, постучав сухим пальцем по дебетовой колонке. — Венеция прислала нам пустые обязательства на следующий квартал. Живая ликвидность Лагуны на нуле. Канал и Совет Десяти подчистую выгребают сейфы, чтобы платить наёмникам в Морее и субсидировать гарнизоны в Эгейском море.

Лучано сел к столу, бегло просматривая ровные ряды цифр.

— Какова норма прибыли по левантийским закупкам?

— Восемь процентов, монсеньор. Кое-где — семь с половиной, — казначей покачал ногтем по бумаге. — Османы ввели досмотр в Галлиполи и взвинтили тарифы. Венецианские купцы возят пряности и шелк себе в убыток, просто чтобы покрыть старые кредиты. Старая торговая система Европы истекает кровью.

Начальник пенитенциарии молча выложил на пергамент пачку шифрованных донесений из доминиканских монастырей Александрии и Стамбула:

— Итальянский Капитал предает нас, Лучано. Генуэзские и венецианские фактории тайно закупают у турок строевой лес и анатолийские квасцы в обход папского интердикта.

Они готовы лобызать сапог султана и идти на вечное проклятие, лишь бы спасти маржу. Старый Левант — банкрот. На Италию больше нельзя ставить.

Лучано молчал, вглядываясь в темноту за окном, где в тумане угадывались контуры замка Святого Ангела. Расчеты, которые он делал в Вене, подтверждались с пугающей точностью.

— Это еще не всё, — тезаврарий залез под сутану, извлёк небольшой кожаный кисет и аккуратно высыпал его содержимое прямо на раскрытый баланс Медичи.

На белую страницу, засыпав сухие чернильные цифры, мягко пролился крупный, тяжелый золотой песок необычного, тёмно-рыжего отлива.

— Что это? — Лучано взял щепотку, взвешивая металл на ладони.

— Аннаты лиссабонского епископства, монсеньор. Прибыли морем сегодня утром в Остию. Это чистое золото из африканской фактории Эльмина. Португальские каравеллы обошли Сахару и качают металл у гвинейских дикарей напрямую. Без пошлин Мехмеда II, без венецианских посредников и без флорентийских векселей. Издержки — корзина стеклянных бус на три фунта золота. Маржа — триста процентов.

Лучано медленно высыпал песок обратно. Лицо его оставалось холодным. Он поднялся, подошел к тяжелому кованому шкафу у стены, повернул массивный ключ в замке и

достал огромный, обтянутый потемневшей от времени свиной кожей том. На обложке тускло поблескивало тиснение: «Liber Censuum Romanae Ecclesiae. Anno Domini 1192».

Священная книга имперского и ватиканского казначейства, составленная великим камерарием Ченчио Савелли. Лучано бережно раскрыл её посередине, где на пергаменте идеальным готическим шрифтом были выведены налоговые реестры Леванта, Сирии, Кипра и Византийских проливов. Каждая венецианская и генуэзская фактория, каждый порт Средиземноморья были записаны здесь как вечные, неиссякаемые колодцы ликвидности.

Лучано положил современный, пахнущий свежими чернилами гроссбух Медичи прямо поверх векового манускрипта Савелли.

— Смотрите сюда, — тихо произнес Лучано, и его палец упёрся в графу Константинополя и Негропонта в старой книге. — Сто восемьдесят лет назад Ченчио Савелли фиксировал здесь налог с левантийского транзита — тридцать тысяч золотых византинов в год, которые Лагуна выплачивала Риму без единой задержки. Христианский мир снимал первичную ренту с Востока. А теперь посмотрите на отчет Медичи. Венеция просит отсрочки по долгам, а пошлины, которые их купцы платят туркам в Галлиполи, превышают всю годовую десятину Германии.

Он накрыл ладонью кучку португальского золотого песка, рассыпанного на столе.

— Савелли описывал мир, который умер в 1453 году. Тот транзит больше не принадлежит нам. Но этот песок... этот песок доказывает, что Океан открыл новый шлюз. Португалия нащупала жилу, пока мы пытаемся реанимировать труп Леванта. Если мы оставим всё как есть, Ависская династия скупит Европу.

Лучано резко захлопнул «Книгу цензов», и тяжелый вздох старого пергамента поднял в воздух облачко столетней пыли.

— Соберите мне дорожную сумку и подготовьте подорожную для инспекции монастырей в Каринтии. Этот источник иссяк, нужно искать новый. Я еду на север, к Императору. Если мы не решим эту проблему сегодня, то завтра Латеран пойдет по миру с протянутой рукой.

ЧАСТЬ 2: Двоевластие в промерзшем Граце

Начало 1468 года

Замковая башня в Граце промерзала насквозь, сколько бы слуги ни бросали в зев камина смолистые сосновые брёвна. Ветер с Альп завывал в узких бойницах, швыряя в слюдяные оконца пригоршни жесткой крупы. Январь в Штирии выдался лютым, и кочующий двор императора Фридриха III Габсбурга напоминал не сиятельную резиденцию, а осаждённый лагерь, заваленный сундуками с пергаментами, походными тюфяками и связками оружия.

Лучано сбросил тяжёлую дорожную волчью шубу прямо

на руки замерзшего пажа. Сутана Вице-канцлера Ватикана была забрызгана грязью от перевала Земмеринг, но спину он держал прямо. Проделав этот путь под видом церковной инспекции каринтийских аббатств, он рисковал: его официальный «шеф» в Империи, Эрцканцлер Священной Римской Империи и архиепископ Майнца, не должен был прознать об этой встрече. Майнц свято оберегал старые порядки, кормился с венецианских займов и немедленно слил бы информацию в Лагуну, посчитай он, что Габсбурги затевают сепаратный маневр.

В малой надвратной палате, где у огня грелись трое, царило молчание.

Император Фридрих III, старый, прижимистый, измученный бесконечными тяжбами с бунтующими немецкими князьями и войной с венграми, сидел в кресле, по уши закутавшись в подбитый куницей халат. Напротив него, за столом, заваленным налоговыми ведомостями, расположился председатель Имперской придворной канцелярии Эрнст фон Плауэн — реальный аппаратный мотор Вены, управлявший делами в обход Майнца. Чуть поодаль, на сундуке с монетами, сидел Ульрих Фуггер, старший из братьев-банкиров Аугсбурга. На его коленях лежал раскрытый бухгалтерский баланс тирольских серебряных рудников Шваца.

— Вы ехали быстрее папских курьеров, Лучано, — проскрипел Фридрих III, не поднимая глаз от тлеющих углей. — Если Рим снова требует субсидий на войну с венграми или

на очередной крестовый поход против турок, то у меня для вас плохие вести. Казна пуста. Мои вассалы в Баварии не заплатили ни пфеннига имперского налога, а гарнизон в Вене грозит бунтом, если мы не выплатим жалованье. Харчеваться скоро будет нечем, монсеньор.

Лучано подошёл к столу, отодвинул в сторону ворох бумаг Плауэна и швырнул в самый центр дубовой доски кожаный тубус.

— У вас не просто не будет золота, Ваше Величество. У вас скоро не будет Империи, — спокойно произнес Лучано. — Я привез вам аудит Апостольской палаты. Посмотрите на эти графики. Венеция — труп. Их маржа на левантийском шелке и перце рухнула ниже восьми процентов. Мехмед II зажал Лагуну в тиски.

Эрнст фон Плауэн нахмурился, пододвигая к себе свитки Ватикана:

— Но Нюрнберг и Аугсбург по-прежнему завалены восточными товарами, Лучано. Торговля идет.

— Торговля идет в кредит и в убыток, Эрнст. Венецианские банки Медичи и Борромеи держатся на честном слове, выгребая последние резервы на наёмников, чтобы защитить остатки факторий в Греции. И знаете, на чьи деньги они воюют? На ваши.

Лучано резко развернулся к Ульриху Фуггеру:

— Вы качаете чистое серебро из рудников Тироля в Венецию, чтобы обменять его на пряности. Но пряностей всё

меньше, а цена их растет, потому что Порта ввела драконовские пошлины в Галлиполи. Ваше серебро, Ульрих, больше не возвращается в Аугсбург. Оно оседает в сундуках турецких пашей. Немецкий купеческий капитал своими руками оплачивает османские пушки, которые завтра придут штурмовать Внутреннюю Австрию.

Ульрих Фуггер медленно поднялся с сундука, его лицо в неровном свете камина казалось восковым:

— Наша кредитная линия Габсбургам... Если венецианские банки лопнут из-за турецких тарифов, мы не сможем пролонгировать займы короне. Баланс Шваца закроется с дефицитом. Лучано прав, Плауэн. Дело пахнет гарью.

Фридрих III зашевелился в кресле, его глаза-щелочки хищно блеснули:

— И что предлагает Рим? У Ватикана есть план, как спасти наши августейшие задницы без Венеции?

— Нам нужна живая, суверенная ликвидность здесь и сейчас, внутри Европы, которая не зависит от османских пушек, — Лучано вытащил из кармана кисет с гвинейским тёмно-рыжим золотом, привезённым из Остии, и высыпал его на ладонь Императора. — Португальские каравеллы везут это морем напрямую из Африки, минуя все сухопутные транзиты. Маржа — триста процентов. Но Лиссабон мал. Если Ависская династия закрепит за собой монополию на Океан, они сожрут Германию. Нам нужно решение, которое прокормит Рим и даст ресурсы Вене. Решение называется Сицилия.

Плауэн резко вскинул голову: — Сицилия? Но остров принадлежит Арагонской короне.

— Именно. Сицилия и Сардиния — главная житница Южной Европы. Нам нужно намертво замкнуть сицилийский зерновой и шерстяной торговый оборот на Папский престол, забрать пошлины с экспорта хлеба. Это даст живые деньги Риму и гарантирует продовольственную безопасность Италии. Но старый король Хуан II Арагонский банкротится, он увяз в гражданской войне с каталонскими сепаратистами. А с севера к Сицилии уже тянет лапы французский король Людовик XI. Если «Всемирный Паук» перекупит Арагон, Франция окружит Империю.

Лучано упёрся ладонями в стол, глядя прямо в глаза Фридриху III:

— Мой план — «Испанский таран». Мы тайно женим наследника Арагона, юного Фердинанда, на инфанте Изабелле Кастильской. Мы объединим две короны Пиренеев в один могучий союз. Кастильская шерсть спасет финансы Арагона, а арагонские гарнизоны удержат Сицилию для нас. Французский аспект здесь главный, Ваше Величество: этот союз создаст колоссальные сухопутные клещи на южной границе Франции. Людовик XI будет вынужден сжигать свои ресурсы и держать войска на Пиренеях, забыв про экспансию в Италию и Бургундию. А через некоторое время мы соединим это испанское наследство с вашим сыном Максимилианом. Габсбурги получат регулярную армию, сицилийский хлеб и

задушат Португалию на суше, и она отдаст нам свои колонии в океане.

В палате воцарилась тишина, прерываемая лишь треском дров. Старый император долго пересыпал на ладони гвинейский песок, взвешивая геополитические риски.

— Майнц поднимет бунт на Рейхстаге, если узнает, что мы ведем игру за его спиной и ломаем старый союз с венецианскими банкирами, — тихо проговорил Плауэн.

— Майнц будет молиться в своем соборе и ничего не узнает, пока Фердинанд не встанет у алтаря, — отрезал Лучано. — Мне нужны пятьдесят тысяч дукатов наличными, прямо сейчас, чтобы выехать в Кастилию. Нужно купить лояльность кастильских баронов и обеспечить безопасность.

Ульрих Фуггер посмотрел на Императора, затем на Лучано:

— Дом Фуггеров даст эти деньги под честное слово Вице-канцлера. Если ось действительно смещается на Атлантику, мы откроем свой шлюз на Севере — филиал в Антверпене, поближе к океанским портам. Это математически выверенный риск.

Фридрих III медленно сжал кулак, пряча португальское золото в широкий рукав халата: — Поезжайте в свой Вальядолид, Лучано. Прокрутите эту свадьбу. Посмотрим, как поведут себя французы...

Лучано молча поклонился и забрал тубус со стола. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Тяжелая кованая дверь надвратной палаты за его спиной захлопнулась, и он остался один в ледяном полумраке замковой лестницы Граца. Лучано де ла Коста чувствовал, как под его подошвами колеблется хрупкая тектоника Ойкумены. Ему, скромному канцелярскому демиургу без армии и короны, чтобы просто удержать Святой Престол от позорного дефолта, требовалось вручную переформатировать половину известного мира. Это не было абстрактной политической игрой — это был вопрос его личного, физического выживания. Если кастильский маневр сорвется, Людовик XI Валуа сомкнет клещи, Мехмед II запечатает последние каналы ликвидности, и через пять лет голова Вице-канцлера Ватикана украсит пику на мосту Святого Ангела, а вся его Апостольская канцелярия будет пущена с молотка за долги.

В темноте винтовой лестницы, слушая, как воет альпийский ветер в бойницах, он мысленно разворачивал перед собой колоссальный чертеж предстоящей реструктуризации. Задачи ложились в уме строгими, бескомпромиссными строками баланса. Лучано поправил кофр под плащом, ступил на обледенелый настил внутреннего двора и уверенным шагом направился к конюшням.

ЧАСТЬ 3: Шпионский узел Вальядолида

Октябрь 1469 года

Октябрьский Вальядолид тонул в тисках осенней грязи,

страха и чужих денег. На раскисших дорогах витал дым бивачных костров. Город, ставший временным убежищем для девятнадцатилетней инфанты Изабеллы, напоминал осаждённый форт. Кругом стояли разъезды официального короля Энрике IV, а на западных рубежах уже неспешно поигрывали уздечками португальские авангарды Афонсу V. Профранцузская партия маркиза Вильены держала в руках все крупные дорожные узлы. Французские шпионы Людовика XI Валуа — «Всемирного Паука» — кишели на постоялых дворах под видом паломников, направлявшихся в Сантьяго-де-Компостела. Париж был уверен, что Кастилия у него в кармане, а Изабеллу вот-вот запрут в монастырских казематах Тордесильяса.

Лучано въехал через неприметные северные ворота Вальядолида на исходе третьих суток бешеной скачки. На нём был простой, забрызганный дорожной грязью плащ кастильского перегонщика скота, скрывавший пурпурную подкладку сутаны Вице-канцлера Ватикана. В двух шагах позади, под охраной четырех переодетых швейцарцев, тащился грубо сколоченный тележный короб, доверху набитый мешками с овсом.

Под овсом на дне телеги лежали три дубовых бочонка с пятьюдесятью тысячами наличных дукатов — тяжёлым, чеканным серебром Аугсбурга, которое Ульрих Фуггер выгреб из своих подвалов под честное слово имперского аналитика.

Лучано направился прямиком к Паласио-де-лос-Виверо.

Глазами искушённого ватиканского бюрократа эта резиденция будущей королевы выглядела удручающе. Во внутреннем дворе не было ни блестящей гвардии, ни придворных кавалеров — лишь несколько испуганных слуг в обносках раздували затухающий очаг, пытаясь сварить похлёбку из вяленой трески и лежалой репы. В залах дворца стоял промозглый холод: кастильские бароны, обещавшие Изабелле верность, спешно покинули город, как только королевские патрули перекрыли подвоз зерна. Инфанта сидела без гроша в кармане, её личные драгоценности были заложены ростовщикам Севильи, ей нечем было заплатить даже за дрова для кухни. На Пиренеях пахло тотальным дефолтом.

Лучано не стал просить аудиенции у Изабеллы. Он знал, что в этой грязи мечи и титулы ничего не стоят, пока за ними не стоит ликвидность. Он спустился в полуподвал дворцовой башни, где в окружении нескольких угрюмых телохранителей метался архиепископ Толедо Альфонсо Каррильо — главный духовный сановник Кастилии, который уже подумывал о том, чтобы открыть ворота войскам короля Энрике ради сохранения своих активов.

— Мы окружены, монсеньор Лучано, — Каррильо нервно комкал в руках чётки, когда Вице-канцлер переступил порог. — Люди маркиза Вильены перехватили наши депеши в Бургос. У меня осталось всего тридцать всадников. Городская стража грозит сложить оружие перед королевским патрулем, если им не выплатят жалованье до заката. Всё про-

пало. Французский принц уже шлёт свадебные дары королю Энрике.

Лучано молча обернулся к своим швейцарцам и сделал едва заметный жест рукой. Конники швырнули на земляной пол башни первый мешок с овсом, распороли его кинжалом, и наружу со звонким, сочным металлическим звуком посыпались тяжёлые, матовые серебряные монеты с клеймом монетного двора Аугсбурга.

— Здесь пять тысяч крейцеров и три тысячи аугсбургских пфеннигов, Ваше Высокопреосвященство, — Лучано наступил носком сапога на покатившуюся монету. — Это живое серебро немецких рудников. Выплатите страже жалованье за два месяца вперед прямо сейчас. Нам нужно, чтобы городские ворота Вальядолида были намертво заперты людьми, готовыми умирать за эти деньги ближайшие сорок восемь часов. Действуйте.

Архиепископ Каррильо уставился на груду серебра, его шея судорожно дернулась.

Оставалась вторая, куда более опасная часть маневра — доставить в город жениха. Фердинанд Арагонский пробивался через охваченную патрулями кастильскую границу в глубокой тайне. Его отец не смог дать ему ни единого отряда — все арагонские силы сгорали под Барселоной, усмиряя каталонских сепаратистов. Восемнадцатилетний принц ехал к невесте голым, с шестью верными рыцарями.

В три часа ночи у южных ворот Вальядолида, укрытых гу-

стым речным туманом, остановился скромный обоз погонщиков муки. Капитан королевского патруля, нанятый маркизом Вильеной, подозрительно вглядывался в лица крестьян. Один из погонщиков — крепкий, коренастый парень с обветренным докрасна лицом, в грязной холщовой блузе, испачканной мучной пылью, — крепко держал под уздцы осла. Это был Фердинанд.

Капитан патруля уже поднял руку, чтобы приказать досмотреть повозки, как вдруг из темноты ворот выступила фигура нотариуса Апостольской канцелярии. Он не произнес ни слова, лишь протянул капитану увесистый кошель, в котором сладко запели аугсбургские талеры — плата за слепоту, выделенная Лучано.

Капитан прикинул вес кошеля на ладони, цинично ухмыльнулся и сплюнул в грязь: — Проезжай, деревенщина! Мука нужна городу.

Наследник Арагона, Сицилии и Сардинии въехал в свою будущую столицу под видом нищего. Профранцузский вектор Кастилии, выстраиваемый годами интриг Людовика XI Валуа, в эту ночь дал первую, глубокую трещину. «Всемирный Паук» проспал маневр Лучано, потому что мерил мир старыми рыцарскими категориями...

ЧАСТЬ 4: Протокол взаимных уступок

19 октября 1469 года

В тесной, лишенной парадного убранства молельне Паласио-де-лос-Виверо тускло горели оплывающие сальные свечи, роняя тяжелые, жирные капли на серый каменный пол. Пламя светильников нервно металось от сквозняка, выхватывая из темноты голые, покрытые трещинами стены, с которых кастильские бароны спешно сорвали драгоценные гобелены. Из полумрака доносился лишь монотонный, прерывистый треск фитилей в плошках с конопляной олифой да тихий, пронзительный свист ноябрьского ветра, пробивающегося сквозь узкие стрельчатые окна. Время от времени тишину прорезал далекий, приглушенный лязг стального оружия — это купленная Лучано стража архиепископа Каррильо мерно обходила внешний периметр дворца, проверяя кованые замки на дубовых воротах.

В комнате было трое. Изабелла Кастильская сидела на жестком деревянном стуле, судорожно сжав пальцы на коленях. На ней было простое темное платье без украшений. Напротив нее, тяжело опершись на спинку соседнего стула, стоял Фердинанд Арагонский — его холщовая куртка погонщика была насквозь пропитана дорожной грязью, а из-под расстегнутого ворота тускло поблескивал ободок стального горжета. Между ними, словно черная тень самого Латерана, возвышался Лучано.

На небольшом дубовом пюпитре перед молодоженами лежал развернутый пергамент. Тяжелая свинцовая печать, подвешенная на шелковых шнурах, тускло мерцала в отблесках

свечей. Это была брачная булла.

Изабелла вглядывалась в латинские строчки, и ее бледное, изможденное лицо излучало тревогу. Как истовая католичка, она умела читать юридические формулы Курии.

— Она фальшивая, монсеньор, — ее голос сорвался на шепот. — Здесь стоит имя покойного Папы Пия II. Но сейчас на престоле Павел II. Наш брак — это смертный грех греховного родства. Святой Престол не давал диспенсации. Вы привезли нам проклятие.

Фердинанд резко шагнул вперед, накрыв ладонью эфес кинжала. В его глазах, выросших среди каталонской резни и отцовских долгов, не было религиозного страха — только холодная ярость загнанного волка: — Нам не нужна латынь, Изабелла. Нам нужно право назвать моих людей законной гвардией Кастилии. Без этого пергамента завтра утром нас обоих назовут узурпаторами, португальцы перейдут границу, а маркиз Вильена вздернет нас на главной площади.

Лучано медленно опустил ладонь на край пюпитра, заставив обоих замолчать одним этим движением. В его глазах, отражавших тусклый свет свечи, не было ни сострадания, ни сомнений. Перед ним стояли не будущие великие монархи, а два полунищих подростка, чьи судьбы он прямо сейчас вплавлял в фундамент нового мира.

— Святой Престол, инфанта, — тихо и веско произнес Лучано, — это не старик Павел II, который дрожит в Ватикане перед французскими послами и боится португаль-

ского золота. Святой Престол — это Апостольская канцелярия. Моя рука резала это свинцовое клеймо, и подпись Папы Римского стоит под этим текстом. Юридически для всей Европы этот брак чист с этой секунды. Завтра архиепископ Каррильо обвенчает вас перед лицом кастильских грандов. Ни Франция, ни Португалия больше не смогут назвать ваших будущих детей бастардами. Вы получаете легитимность, суверенное право на трон и золото Аугсбурга, которые уже лежат в ваших подвалах. Иначе вам не выжить. Но у этого спасения есть цена...

Лучано развернул второй документ — узкую полоску бумаги, исписанную убористым канцелярским шрифтом Апостольской палаты. Протокол интеграции.

— Что вы хотите взамен, монсеньор? — Фердинанд прищурился, вглядываясь в лицо Вице-канцлера.

— Вашу благодарность в пределах разумного, принц. Первое: как только вы подавите каталонских сепаратистов и объедините фиски Кастилии и Арагона, Ватикан получает эксклюзивное право на сбор налога Крузады со всего полуострова. Все деньги от крестовых сборов с кастильских ярмарок пойдут напрямую в Рим, минуя ваших казначеев. Второе: Сицилия.

Лучано перевел взгляд на Изабеллу: — Остров — главная житница региона. Вы подпишете обязательство, по которому Арагон гарантирует Риму бесперебойные поставки сицилийского зерна по фиксированным ценам. Ватикан больше

не будет зависеть от спекуляций венецианских и флорентийских банков. Сицилийский хлеб станет продовольственным щитом Папской области. Третье: право прямого назначения лояльных Риму кардиналов на богатейшие пиренейские кафедры, начиная с Толедо.

Молодожены переглянулись. Условия были кабальными. Лучано забирал у них первичную ренту, превращая новорожденное королевство в донора Ватикана. Но выбора не было. Капитал Ватикана и Священной Римской Империи покупал их жизни и их будущую корону здесь и сейчас.

— Мы согласны, — сухо произнес Фердинанд, беря со стола перо.

Изабелла помедлила секунду, перекрестилась дрожащей рукой и размашисто поставила свою подпись рядом с арагонской.

Лучано дождался, пока чернила высохнут, аккуратно свернул протокол и спрятал его в рукав сутаны. Профранцузский вектор Пиренеев был официально ликвидирован. На карте мира родился сухопутный Левиафан, скрепленный сицилийским хлебом и немецким серебром.

— Идите к алтарю, дети мои, — Лучано едва заметно улыбнулся холодными губами.

ЧАСТЬ 5: Крах Негропонта и позор Лагуны

Июль 1470 года

Набережная Риальто в Венеции тонула в удушливом, маслянистом зное и гробовом молчании. Ни выкриков портовых зазывал, ни привычной ругани матросов. Тысячная толпа, запрудившая мраморные ступени у самой воды, бездвижно смотрела на лагуну. Из предрассветного марева, тяжело ложась на мутную зеленую волну, один за другим выходили уцелевшие корабли некогда великой эскадры генерального капетана Никколо Канала. Галеры шли без победных вымпелов, со спущенными флагами, избитые штормами и безжалостным палящим солнцем Эгейского моря.

Лучано стоял на галерее конторы немецкого подворья Фондако-деи-Тедески, оперевшись руками на резные перила. Из окон за его спиной доносился частый, панический стук костяшек — это бухгалтеры Аугсбурга и Нюрнберга судорожно пересчитывали остатки оборотного капитала. Венецианские государственные облигации прямо сейчас, на глазах имперского аналитика, превращались в мусор.

Часом позже в парадной зале Совета Десяти, куда Лучано прошел по личному мандату Апостольской канцелярии, пахло холодным потом стареющих патрициев. Адмирал Никколо Канал, еще не снявший просоленного, покрытого ржавчиной доспеха, стоял перед трибуналом дожа. Пожилые сенаторы в пурпурных тогах требовали его головы, выкрикивая обвинения в трусости, нерешительности и позорном бегстве от Негропонта — «щита Лагуны».

Лучано слушал этот рев с легкой, едва заметной улыбкой.

Для него, как для демиурга, мыслящего чистыми балансами и сухой логистикой, это судилище было дешевым фарсом. Историки потом напишут про «слабость духа» адмирала, но Лучано видел перед собой не труса, а математика, который просто умел считать.

— Опомнитесь, синьоры, — голос Канала, хриплый и сорванный, наконец перекрыл шум залы. — Вы можете заковать меня в кандалы и бросить в колодцы Пьомби, но это не изменит цифр. У Негропонта мы столкнулись не с флотом, а с новой инженерной фабрикой султана. Порта выставила против нас Армаду в триста вымпелов. Триста кораблей, синьоры! У них регулярное снабжение, пороховые заводы в Галлиполи и сто тысяч воинов, послушных одному кивку Мехмеда. У меня было пятьдесят галер, набранных по контракту. Наемники требовали плату вперед и дезертировали целыми командами при виде турецких бомбард. Дать им бой означало сжечь последнюю защиту Венеции за один час. Я спас флот. Но воды... воды внутри Эгейского моря теперь принадлежат Порте.

Дож Паскуале Малипьеро медленно опустил голову на руки. За столом президиума повисла мертвая, душная тишина. Канал произнес приговор не себе — он зафиксировал дефолт всей наемной военной модели Венецианской Республики. Капитал Лагуны, веками нанимавший чужие мечи на доходы от восточного транзита, больше физически не мог перебить мобилизационный и демографический ресурс

Османской Империи.

Лучано повернулся и молча вышел из залы, шурша сутаной по мозаичному полу. Он спустился к Риальто, где у контор флорентийских банкиров Борромеи уже выстраивались очереди паникующих купцов.

Рядом с ним, кутаясь в скромный шерстяной плащ, шел молодой немецкий приказчик — Якоб Фуггер, которого старший брат Ульрих прислал в Венецию практиковаться в бухгалтерии. Юноша сжимал в руках гроссбух, и его пальцы заметно дрожали.

— Что теперь будет, монсеньор Лучано? — тихо спросил Якоб, глядя на штурм банковских дверей. — Куда бежать капиталу? Маржа Леванта мертва. Турки задушат нас тарифами.

— Капитал не бежит в никуда, Якоб, — Лучано остановился на мосту и посмотрел на выходящие из лагуны торговые когги. — Капитал эвакуируется туда, где открыты новые шлюзы. Девять месяцев назад в Вальядолиде мы с твоим братом заложили фундамент. Пока Италия исходит кровью и платит Мехмеду налог на жизнь, на Пиренеях строится Левиафан, который не зависит от турецких пушек. Ваша задача в Аугсбурге — прекратить менять тирольское серебро на венецианские векселя. Экстренно сворачивайте кредитные линии в Лагуне. Все свободные деньги переводите на Север — открывайте филиал в Антверпене. Туда пойдет португальское золото и испанская шерсть. Венеция превращается в ис-

торический тупик, Якоб. Этот великий город останется памятником империи, но не более...

Молодой Фуггер посмотрел на Вице-канцлера, и в его глазах страх сменился жестким, математическим азартом. Он открыл гроссбух и решительно зачеркнул графу левантийских поставок.

Лучано удовлетворенно кивнул. Еще одна шестеренка его плана провернулась и замкнула комбинацию. Военная машина Лагуны была сломлена, и теперь ничто не могло остановить эвакуацию итальянских богатств.

ЧАСТЬ 6: Крымский тупик и штурм Кафы

1475 год

В Апостольской канцелярии Рима царил тяжелый, застывший полумрак, рассекаемый лишь косыми лучами ноябрьского солнца, в которых лениво кружилась вековая архивная пыль. Мощные дубовые окна были наглухо закрыты, но сквозь толщу камня Ватиканского дворца все равно пробивался приглушенный, монотонный гул мутного Тибра, сталкивающегося с опорами моста Святого Ангела. Тишину покоя нарушал лишь сухой, ритмичный скрип гусиного пера, которым секретарь Курии выводил ломаные линии на грифельной доске. Лучано сидел за столом, подперев подбородок ладонями. Перед ним в тусклом пламени масляного светильника лежали три пергаментных свитка, доставлен-

ные доминиканскими монахами из Трапезунда. Чернильные знаки Апостольской канцелярии ложились на бумагу сухими, безжалостными фактами, которые окончательно закрывали баланс старого Шелкового пути.

Налоги Крузады из Испании уже пять лет исправно текли в Апостольскую палату, а сицилийский хлеб по фиксированным ценам гарантировал Риму сытость. Но на Востоке, как и рассчитывал Лучано, система вошла в терминальную стадию. Огромный флот османского великого визиря Гедик Ахмед-паши запер Босфор для латинских кораблей и подошел к берегам Крыма.

Лучано читал донесения шпионов-доминиканцев, и его глазами штурм Кафы — главного сердца северной генуэзской торговли — выглядел как образцовый демонтаж устаревшего геополитического субъекта.

Новые стофунтовые бронзовые бомбарды султана, отлитые на заводах Эдирне, за четыре дня непрерывной бомбардировки превратили монументальные каменные стены Кафы в крошево. Средневековая фортификация, на которую латиняне молились сто лет, оказалась бесполезной против артиллерии.

Вся генуэзская купеческая верхушка Кафы, пытавшаяся откупиться от Ахмед-паши мешками со старым серебром, была закована в кандалы и угнана на невольничьи рынки Стамбула. Консульский дворец сожжен, трюмы коггов опустошены, а Босфор официально запечатан для христианских

купцов драконовскими пошлинами Порты.

Крымский транзит был отрезан окончательно и безоговорочно. Великая артерия, качавшая восточные товары через Черное море, превратилась в тупик. Но Лучано смотрел глубже военных реляций — он просчитывал вторичные волны этого финансового цунами.

В комнату без стука вошел нотариус Канцелярии, неся шифровку из Буды: — Монсеньор, латинские банкирские дома во Флоренции и Милане официально заморозили кредитные линии для Большой Орды. Убытки от потери черноморских факторий лишили их свободной ликвидности.

Лучано едва заметно кивнул. Без итальянского серебра и координации со стороны Латерана Большая Орда теряла свой главный ресурс. Хан Ахмат, отрезанный от крымского транзита, столкнулся с первыми признаками системного безденежья. Его наемные мурзы и кочевая конница больше не получали латинских субсидий.

В этот же вечер в Палаццо Венеция Лучано принял человека, чье лицо было скрыто глубоким капюшоном. Это был Паоло ди Кампани — доверенный резидент великого генуэзского банка Сан-Джорджо. Человек, чьи предки веками презирали Венецию и Ватикан, теперь сидел перед Вице-канцлером с поникшей головой.

— Кафа пала, Лучано, — генуэзец тяжело вздохнул. — Банк Сан-Джорджо не может обслуживать займы. У нас нет товара для обеспечения векселей. Нам нужны гарантии Ва-

тикана для эвакуации остатков капитала.

Лучано пододвинул к себе чистый лист пергамента и обмакнул перо в чернила: — Ваши гарантии, Паоло, лежат не в Средиземном море. Я дам банку Сан-Джорджо лицензию на перевод активов под прикрытие строящегося пиренейского порядка. Ваша новая биржа — это Севилья. Ваши новые маршруты — Атлантика. Подпишите обязательство: весь уцелевший генуэзский капитал отныне финансирует испанскую корону и флот Фердинанда Арагонского.

Генуэзский банкир помедлил секунду, а затем уверенно поставил подпись. Итальянский капитал, лишенный восточных артерий, капитулировал перед Ватиканом и согласился стать финансовым обеспечением для испанского плацдарма. Черное море закрылось, но Океан на западе уже ждал своего часа, готовый переварить эти колоссальные ресурсы в маржу.

ЧАСТЬ 7: Итог первой интеграции

1475–1479 гг.

В Апостольской канцелярии Рима витал запах остывшего воска и сухой архивной пыли. Окна были распахнуты, но вечерний воздух приносил лишь плотное тепло и неизменный, тяжелый дух Тибра. Лучано стоял у огромного стола, на котором лежала монументальная карта Средиземноморья — та самая, что некогда составлялась по лекалам Ченчио Савелли.

Теперь её пергамент был испещрен жирными черными крестами, выведенными рукой самого Вице-канцлера. Кафа, Тана, Негропонт, Трапезунд — старые, вековые артерии Леванта были мертвы. Итальянский торговый капитал, лишенный притока восточных товаров, панически эвакуировался, затекая в Севилью и Антверпен.

Венецианская Республика, растратив миллионы дукатов на наемные армии, в январе 1479 года подписала унизительный мир с султаном Мехмедом II. Венеция официально признала потерю Негропонта, отдала крепости в Морее и согласилась выплачивать Порте ежегодную дань в десять тысяч золотых дукатов за право просто заходить в воды Леванта. Великая купеческая республика превратилась в изолированного, зависимого регионального игрока. Баланс Средиземноморья был закрыт навсегда.

Но на западном краю карты, где Лучано десять лет назад запустил свой Пиренейский проект, сухая математика выдавала идеальный, победный дебет.

В комнату вошел нотариус Канцелярии, неся запечатанную свинцовым клеймом депешу из кастильского Торо: — Монсеньор, португальская кампания официально завершена. Король Афонсу V подписал мирный договор в Алкасоваше. Португалия признает Изабеллу единственной и законной королевой Кастилии и навсегда отказывается от притязаний на её престол.

Лучано взял пергамент, пробегая глазами по убористым

строчкам. Он видел за этими буквами не триумф рыцарской чести, а триумфальный финал Войны за кастильское наследство. Когда в 1475–1476 годах Афонсу V Португальский двинул свои войска на Мадрид, надеясь разорвать брак Фердинанда и Изабеллы, он наткнулся на монолитную, бесперебойно финансируемую железную стену.

Серебро Аугсбурга, своевременно влитое Лучано в кастильские гарнизоны, и сицилийское зерно, кормившее арагонские терции, сделали свое дело. В битве при Торо объединенный испано-арагонский кулак Фердинанда буквально размолол португальские авангарды. Ависская династия, обладавшая колоссальным золотым потенциалом, проиграла сухопутную логистику. Ей просто не дали пространства для маневра на континенте.

Лучано подошел к карте и медленно обвел Пиренейский полуостров сплошной, тяжелой линией, плотно запирая Португалию внутри её прибрежных границ.

— Выкусите, Лиссабон, — тихо, одними губами произнес Лучано, глядя на узкую полоску земли, прижатую к Атлантике. — Вы можете возить свое гвинейское золото тоннами. Но вы заперты в своей тюрьме. Сухопутная блокада монолитна. У вас нет зерна, у вас нет сухопутного выхода в Европу, а ваши границы контролируют люди, подписавшие протокол Апостольской канцелярии. Чтобы купить хлеб, вы будете сдавать свое золото в наши банки по нашей цене.

Сухопутный план Священной Римской Империи и Вати-

кана к концу 1479 года был близок к абсолютному триумфу. Франция была намертво зажата испанскими клещами с юга, Италия обескровлена и готова к будущей зачистке, а португальский золотой эксцесс был надежно изолирован. Старый средневековый хаос Пиренеев был перемолот и проинтегрирован Лучано в жесткую, управляемую систему.

Вице-канцлер аккуратно свернул депешу, погасил свечу и вышел на балкон. Над Римом поднималась тяжелая ночная прохлада. Первая глава этого грандиозного макроэкономического триллера была завершена. Лучано был полностью доволен результатами первого десятилетия. Он был уверен, что запер португальцев навсегда…

Глава 2

Пролог

2 ноября 1478 года

Океан у устья Бени застыл тяжелой зеркальной гладью, отливая темной сталью. Прибрежное мелководье горело расплавленным золотом, в котором неподвижно отражались угольно-черные силуэты кастильских каравелл.

2 ноября 1478 года вошло в хроники Ватикана как дата битвы при Гвинее — дня, когда мир Европы окончательно раскололся надвое.

С выжженного берега, от раскаленных песчаных дюн, эскадра дона Педро де Ковидеса казалась мирным купеческим городком на воде. Тридцать пять кораблей стояли на якорях уже не первую неделю. Их паруса были туго скатаны и подвязаны к реям, а команды, разморенные тропическим пеклом, лениво переругивались с палуб с береговыми смотрителями факторий. Высокие, громоздкие носовые кастели кастильских судов тускло отсвечивали медью и суриком. Из открытых бортовых портов выглядывали стволы тяжелых железных бомбард, но канониры дремали прямо на орудийных

ящиках. Торговля шла ходко: трюмы каравелл уже лопались от гвинейского золотого песка и живого товара. Кастильцы были абсолютно уверены в своей безнаказанности — Лиссабон казался бесконечно далеким.

И этот покой взорвал сухой, пронзительный треск португальского боцманского свистка.

На траверзе устья, бесшумно вынырнув из предрассветного океанского марева, скользила кильватерная колонна Жорже Коррейи. Португальцы нанесли удар внезапно и безжалостно. Одиннадцать вытянутых, поджарых силуэтов резали воду в идеальном, пугающем строю. На кастильских флагманах едва успели забить в барабаны, когда португальские каравеллы-редонды на полном ходу, шурша тугими косыми парусами, начали обходить замершую на якорях кастильскую массу.

Испанцы оказались в ловушке собственной беспечности: без парусов, со спущенными шлюпками, их корабли были лишены маневра. Португальцы продемонстрировали филигранную выучку лиссабонской навигационной школы. Четко выдерживая дистанцию в пять корпусов, колонна Коррейи сделала крутой разворот, поймав береговой бриз, и выдала скоординированный, плотный бортовой залп.

Грохот цельнолитых бронзовых бомбард эхом ударил по прибрежным скалам. Чугунные ядра не могли пробить толстые дубовые борта испанских судов — они со свистом и треском крушили мачты, рвали такелаж и заваливали палу-

бы Ковидеса путаницей канатов и обломками реев. Этот залп не преследовал цель утопить врага: португальцам нужны были призы. Удар был психологическим — он мгновенно парализовал волю кастильских экипажей, превратив палубы в хаос. Испанские канониры в панике палили в ответ, но их разнокалиберные пушки били вразнобой, а сами корабли, скованные якорными канатами, не могли довернуть борта для прицельного огня.

Едва пороховой дым коснулся воды, над португальскими палубами прозвучала зычная, раскатистая команда Мена Пальи:

— К борту! Крючья к бою! Храни Пресвятая Дева португальскую Мину — круши и вяжи их!

Португальские нао жестко, со скрежетом и глухим ударом деревянных ребер, врезались борт в борт в кастильские каравеллы. Воздух мгновенно наполнился свистом сотен летящих стальных кошек. Толстые пеньковые канаты натянулись как струны, намертво стягивая корабли в общую, смертоносную палубу.

На штурм пошли команды португальцев — профессиональные боевые отряды рыцарей ордена Христа, закованные в матово-серые, покрытые корабельной олифой нагрудники. Вместо нарядных султанов и развевающихся плащей — закрытые шлемы-салады, тяжелые топоры-полексы, короткие тесаки и страшные в тесноте абордажные пики с гранеными наконечниками. Эти люди двигались с холодной, меха-

нической слаженностью. Первые ряды португальцев, выставив сомкнутые тяжелые ростовые щиты-павезы, приняли на себя сумбурный встречный удар. Сквозь щели деревянного заслона со стальным лязгом вылетели пики, вспарывая испанские камзолы и пробивая легкие кожаные куртки арбалетчиков.

Схватки не было — была планомерная, звенящая зачистка. Оглушительный треск ломающихся весел, крики раненых, сухой стук кованых сапог по залитому кровью дубовому настилу и свист арбалетных болтов, сшибающих кастильцев с их раскрашенных полубаков.

На капитанском мостике флагманской каравеллы «Санта-Елена» дон Педро де Ковидес стоял, вцепившись побелевшими пальцами в резной деревянный поручень. На лицах испанских начальников — холеных идальго, королевских инспекторов и факторов Севильской палаты — привычное высокомерие мгновенно сменилось растерянностью и полным непониманием. Одетые в дорогие шелка и парадные кирасы, они с ужасом смотрели, как их огромная, дорогая флотилия рассыпается на глазах, парализованная собственной неготовностью к войне. Твердая уверенность в суверенном праве Кастилии на африканское золото испарялась под монотонный, ритмичный лязг португальской стали. Ковидес оглянулся на своего штурмана, но тот лишь крестился, глядя на то, как португальские топоры сокрушают двери капитанской каюты. Железная организация и морская выучка

Лиссабона на глазах превращали триумфальную купеческую экспедицию Кастилии в колоссальное кладбище их геополитических амбиций.

Результат был сокрушительным и абсолютным. Португальская эскадра захватила всю кастильскую флотилию целиком — все тридцать пять каравелл вместе со всеми пушками, экипажами и грузом африканского золота. Все это стало трофеями принца Жуана. На берегах Эльмины испуганные купцы видели, как португальские флаги один за другим взлетают над мачтами испанского флота.

На палубе захваченного флагмана португальский казначей-офицер, сверяя тяжелые кожаные мешки по кастильским ведомостям, быстро пересчитал общую массу золотого песка и слитков. Сбросив на настил тяжелые весы, он стремительно поднялся на кормовую надстройку к командующему эскадрой Жорже Коррейе. Лицо офицера горело от возбуждения.

— Дон Жорже! — выдохнул он, сжимая в руке итоговый свиток пергамента. — Кастильские менялы хорошо поработали, у нас богатая добыча. Мы взяли почти четыре тонны чистого гвинейского золота!

Коррейя медленно перевел взгляд с горящего берега Эльмины на казначея.

— Четыре тонны, Педру? Ты не ошибся в расчетах?

— Клянусь крестом Святого Иакова, всё верно, мой командир! — офицер ударил ладонью по эфесу меча. — Этот

один-единственный африканский рейд перевешивает весь годовой бюджет Португальского королевства. Весь доход Лиссабона со всеми нашими соляными налогами и пошлинами не соберёт столько серебра и за двенадцать месяцев.

...Когда спустя месяцы изнурительного обратного перехода триумфальная армада Жорже Коррейи вошла в устье реки Тежу, Лиссабон замер. Город, привыкший к скромному приграничному торговому быту, высыпал на крутые холмы Алфамы. Одиннадцать поджарых португальских нао вели за собой огромный, послушный караван из тридцати пяти захваченных кастильских каравелл с плотно задраенными трюмами.

Конвой швартовался прямо у стен королевской таможни под оглушительный, победный рев сотен прибрежных мортир. Кастильских грандов и факторов Севильской палаты выводили на раскаленные плиты причала в кандалах, под свист портовой черни. Их бледные, иссушенные солью и позором лица кривились, когда португальские стражники ордена Христа на их глазах начали вскрывать опечатанные королевские сундуки. Когда первые тяжелые холщовые мешки, лопавшиеся от золотого песка Мины, легли на дубовые весы казначейства, принц Жуан, наблюдавший за разгрузкой с балкона дворца Рибейра, удовлетворенно кивнул. Один этот день окупил десятилетия сомнений Лагосской навигационной школы. Лиссабон не просто взял богатую добычу — он пригнал в свою гавань сам экономический суверенитет бу-

дущей империи.

Битва при Гвинее переписала баланс сил в регионе: Португалия вернула себе абсолютную монополию на атлантические торговые пути, полностью перекрыв Кастилии доступ к африканским богатствам.

ЧАСТЬ 1: Безвозвратные долги Сарая

Начало 1480 года

Над левобережной поймой Волги висел тяжёлый, сырой туман. Из серой пелены доносилось надрывное ржание коней, истощённых бескормицей.

В расплывающихся сумерках ставки хана Ахмата багровыми пятнами проступали затухающие костры. Оседающий туман крупными, тяжёлыми каплями стекал по лоснящимся бокам походных котлов и покрывал серой испариной шершавую, потемневшую от сырости кошму юрт.

Февральский наст просел, превратив лагерь Сарая в месиво из грязи и конского навоза. В войске царило уныние: полностью прекратился привоз франкского сукна, кавказского железа и оружия. Степные мурзы открыто роптали у костров, а истощённые кони едва переставляли ноги.

В большой ханской юрте, устланной потёртыми персидскими коврами, было тепло. Самого хана здесь не было — он молился на коленях в походной мечети. Но за низким дубовым столом, где обычно раскладывали военные карты и ко-

жаные мешки со сборами, сейчас разыгрывалась не столько финансовая драма, сколько горький торг…

Темир, правая рука хана и темник над десятью тысячами конников Большой Орды, яростно швырнул на ковёр тяжёлую серебряную гривну. Слиток жалобно звякнул, взметнув облачко пыли.

— Смотри на это, купец! — Темир ткнул широким, загрубевшим пальцем в бок слитка. — Это серебро из ваших крымских подвалов. Мои люди переплавили триста таких гривен, что ты привёз в прошлом месяце. В них меди больше, чем в котле моей младшей жены! Мурзы из ногайцев не дураки. Они взвесили слитки на ладонях, плюнули на твой сургуч и свернули юрты. Две тысячи сабель ушли обратно к Яику до того, как сошёл лёд. Нам нечем кормить коней. Мы не пойдём на улусы Ивана без звонкого металла.

Напротив темника, поджав ноги, сидел человек в дорогом кафтане, подбитом куньим мехом, — генуэзский наряд, сразу выдававший в нём чужака. Джиованни делла Вольта — бывший фактор латинского купеческого дома Сан-Джорджо, бежавший из горящей Кафы пять лет назад, — выглядел изможднённым. Его некогда тонкие, холёные пальцы банкира были покрыты цыпками от степного ветра.

— Темир-бей, вы не понимаете, — Джиованни устало потёр воспалённые от дыма глаза. — Это всё, что удалось вывезти из Лигурии. Кафы больше нет. Босфор намертво перекрыт османами. Мой банк… дом Сан-Джорджо, который сто

лет исправно ссужал вашу Орду под залог меха и рабов, — разорён. У нас отняли склады, наши когги сожжены у берегов Крыма, а наши векселя в Генуе не стоят бумаги, на которой написаны.

— Мне плевать на твои корабли, латинянин! — Темир навис над столом, и его скуластое лицо перекосило от ярости. — Раньше, когда Сарай седлал коней, из Кафы шёл караван. Моми мурзы знали: за каждый поход на север они получат тридцать тысяч венецианских дукатов чистым серебром, итальянское сукно и франкские шлемы. Поход на Москву — сложнейшая затея: нужны овёс, подковы, сбруя, плата наёмным отрядам. Раньше всё это обеспечивалось серебром, что текло через Крым. Послы короля Казимира IV сидят в соседней юрте и торопят нас, чтобы к весне мы выжгли Москву. Но конница не пойдёт в долг. Степи плевать на ваши итальянские беды!

Джиованни медленно покачал головой, глядя на тусклый костёр в очаге:

— Степи придётся научиться считать, бей. Сто лет вы были нашей лучшей силой на Востоке. Ватикан и Генуя давали вам деньги, чтобы вы держали в узде северных князей и не давали им закрыть торговые пути. Мы платили — вы шли в набег. Это был привычный расчёт. Но теперь кормушка закрылась. Ватикан нашёл иные пути на западе, и Сарай им больше не нужен. Банкиры Милана и Флоренции перекрыли все кредитные линии для Большой Орды. Ни одного дуката

из Европы больше не пересечёт Дон. Вы остались одни. У вас нет зерна, запасы стрел на исходе, а кузнецы требуют настоящую монету за каждый подкованный табун. Степь просто вычеркнули из счёта.

В юрту вошёл хан Ахмат. Он был бледен; его дорожные сапоги утопали в грязи, принесённой с улицы. В руках он сжимал свиток от крымского хана Менгли-Гирея — верного вассала османов, который уже разворачивал свои тумены, готовый ударить Орде в спину по первому приказу из Стамбула.

Ахмат посмотрел на фальшивое латинское серебро, рассыпанное на ковре, затем на измождённого генуэзского фактора. Великий хан Большой Орды, чьи предки держали в страхе половину мира, впервые осознал, что его держава мертва не от мечей, а оттого, что на другом конце земли, в каменных подвалах Рима, кто-то просто закрыл счётную книгу...

Ордынская система, державшаяся на внешних латинских ссудах и перехвате крымского транзита, окончательно исчерпала себя. Решение созрело в отчаянии: идти на Москву без денег, полагаясь лишь на грозное имя, надеясь испугать Ивана III самой памятью о былой силе.

ЧАСТЬ 2: Стояние на Угре

Осень 1480 года

Вода в Угре к октябрю потемнела, налившись тяжёлой, маслянистой синевой, и несла по утреннему берегу тонкие закраины палой листвы и первую ледяную кашицу. Над поймами Калужской земли стоял плотный, сырой туман, но сквозь него, в отличие от противоположного берега, отчётливо угадывался не хаос, а строгий, нерушимый порядок.

Здесь развернулся лагерь русских полков — настоящий походный острог из сотен рубленых веж и бревенчатых городней, возведённых за считанные дни. Он тянулся вдоль излучины реки. Над тесовыми крышами поднимался ровный, густой дым походных кухонь: Москва без перебоев гнала по Клязьме и Оке караваны барж, гружённых рожью, сушёной рыбой и солёной свининой из закромов Замоскворечья.

Русские ратники — подтянутые, суровые, облачённые в кольчатые байданы и зерцальные доспехи — не мёрзли у костров в обносках. На бревенчатых брустверах угрюмо застыла броня московского «наряда». Литые медные пушки, стофунтовые тюфяки и завесные пищали, сработанные немецкими и русскими мастерами в великокняжеских пушечных избах, смотрели жерлами на юг, намертво перекрывая каждый брод. Боевой дух войска дышал спокойной, твёрдой уверенностью людей, знающих, что за их спинами стоит не раздробленная земля, а крепкое государство, способное кормить, одевать и вооружать свою рать месяцами.

В просторной рубленой избе воеводской ставки, жарко натопленной по-чёрному, у бревенчатого стола собрались

удельные князья. На грубых досках лежали не иконы, а подробные чертежи речных заграждений и донесения от московских лазутчиков.

Великий князь Иван III — высокий, с тонкими, словно высеченными из сухой кости чертами лица и холодным, неподвижным взглядом — медленно обвёл глазами своих вассалов. В руке он сжимал перехваченное на переправе письмо генуэзского фактора из Сарая.

Один из старых удельных князей, нервно поправляя тяжёлую соболью опушку кафтана, угрюмо проворчал:

— Государь, холода на пороге. Угра вот-вот встанет, лёд скуёт реку, и татары попрут лавиной по первопутку. Не лучше ли отойти к Кременцу, под защиту лесов, как деды наши делали? Ахмат яростен, за ним вся Большая Орда стоит, сила несметная…

Иван III медленно опустил ладонь на стол, и под его пальцами хрустнул пергамент перехваченной шифровки.

— Полно тебе, князь, дедов поминать, — голос великого князя прозвучал негромко, но в нём лязгнуло кованое железо. — Слушайте меня все и уши протрите. Жизнь переменилась. Прошло то время, когда Степь могла одним нукером Москву в страх вгонять. Раньше Орда сильна была не своими конями, а латинским серебром, что шло к ним через Крым, из Кафы генуэзской. На те деньги они ковали мечи, нанимали мурз яицких и покупали хлеб у булгар.

Иван III обвёл взглядом притихших вассалов.

— А ныне Кафа пала, турки Босфор заколотили, а латинские банкиры в Милане да Риме закрыли свои сундуки и списали Сарай со счетов, словно худую кобылу. Ахмат привёл к Угре голодную, нищую рать. В его казне — медь порчёная. Ногайцы уже ропщут, наёмники каждую ночь разбегаются, потому что воевать в долг Степь не умеет. Нам не бегать надо. Нам надо стоять здесь намертво. За нашими спинами — пушечные избы, сытые закрома и казна чистая. Мы больше не данники. Мы — хозяева этой земли. И Степь об нашу кованую стену сегодня зубы обломает, потому что платить за эти зубы ей больше нечем.

Князья молчали, потрясённые суровой, трезвой логикой своего государя. Старый миф о непобедимой, сакральной Орде таял в этой душной избе вместе с паром от воеводских кубков.

А на другом берегу, на песчаных косах, действительно разыгрывался финал обанкротившейся системы.

В походной юрте хана Ахмата царил паралич. Литовский толмач короля Казимира IV, бледнея, оправдывался перед темником Темиром: крымский хан Менгли-Гирей пошёл войной на подольские земли Литвы, намертво связав руки Казимиру.

Темир яростно кричал, что ногайские мурзы уводят свои сабли обратно к Волге, так как банкиры Риальто заморозили все счета Сарая, и платить людям за овёс и подковы нечем.

Ахмат сидел неподвижно, уставившись на догорающие уг-

ли. Вокруг него толпились знатные мурзы Большой Орды, и в их тяжёлых, хмурых взглядах уже не было прежнего почтения. Время работало против них. С каждым днём стояния у воды таял не просто фураж — таяла иллюзия их былого могущества.

— Хан, — вперёд шагнул старый мурза Идигу, чей род веками держал кочевья на междуречье Дона и Волги. — Нам нужно либо пробивать броды сегодня, либо разворачивать тумены. Казимир обманул нас. Его полки не придут. Лошади грызут кору с прибрежных ив, а люди шепчутся, что Иван привёз на берег медные громы, которые плюются свинцом на сто шагов. Мы стоим здесь, как бараны перед зимней бурей. Зачем?

Ахмат медленно поднял голову. На его бледном лице отразился сумрак уходящей эпохи.

— Иван не просто привёз пушки, Идигу, — тихо, но отчётливо произнёс хан. — Иван знает, что наши сундуки пусты. Великая Орда… Мы думали, что держим северные улусы силой своих луков. Но мы были лишь мечом в руках тех, кто сидел в заморских каменных городах. Латиняне платили нам чистым крымским серебром, чтобы мы жгли эти леса и не пускали московитов к северным рекам. А теперь те города разрушены турками. Латинский кредит закрыт. Нам прислали медь, на которую нельзя купить даже хорошей кавказской стали. Московиты больше не боятся наших стрел, потому что знают: Степь осталась без хозяев и без монет.

Темир яростно ударил кулаком по рукояти сабли:

— Значит, мы уходим в Степь ни с чем, хан? Признаем, что Москва теперь сама себе хозяйка?

— Конница не воюет в долг, Темир, — отрезал Ахмат, поднимаясь с ковра. — Если мы останемся здесь ещё на три дня, мурзы перережут нам глотки за горсть овса. Сворачивайте юрты. Мы возвращаемся в Сарай. Наш век закрылся у этой воды.

Утро 11 ноября 1480 года выдалось звонким, морозным и прозрачным. Туман над Угрой наконец рассеялся, обнажив пустой, вытоптанный противоположный берег.

Над русскими позициями пронеслась звенящая, неверящая тишина. Тысячи ратников, застывших на палисадах и у пушечных лафетов, всматривались в заброшенные татарские стоянки. На песчаных косах сиротливо темнели брошенные вежи, валялся кочевой мусор, а в небо поднимался лишь сизый дымок от кострищ, брошенных в спешке и не успевших догореть. Полноценная туменная рать Большой Орды ушла без единого звука, растворившись в заволжских степях.

И в следующую секунду русское воинство взорвалось колоссальным, единым рёвом. Это не был просто крик победителей после тяжёлой битвы — это был гул великого освобождения.

Ратники на передовых брустверах срывали с голов стальные шлемы, крестились на бледное осеннее солнце и обнимали друг друга, плача от осознания величия момента. Пуш-

кари у тяжёлых бомбард победно палили в чистое небо, и грохот московского наряда катился над Калужскими лесами, возвещая конец двухвековой тяготы. Молодые гридни и матёрые воеводы бросали мечи в землю и падали на колени прямо в подмёрзшую грязь, вознося благодарственные молитвы.

Двухсотлетнее иго, державшее Русь в тисках степного насилия и внешней зависимости, лопнуло само собой. На берегах Угры русское воинство праздновало не просто отступление врага — оно праздновало обретение полной самостоятельности, когда Русь впервые встала как единое, сильное государство, способное отвечать за свою судьбу.

ЧАСТЬ 3: Московский ответ

1481–1485 гг.

Грановитая палата Московского Кремля гудела как улий. Топились изразцовые печи, в которых потрескивали тяжёлые березовые поленья. За узкими, глубокими окнами свистел и бился в слюдяные оконца ноябрьский ветер, гоня по замёрзшей Москве-реке первую сухую ледяную крупу. Внутри палаты этот свист ложился на мерный, монотонный скрип перьев — в углу у конторских сундуков великокняжеские писцы торопливо копировали уставные грамоты.

Великий князь Иван III сидел за массивным столом из цельного дуба, лениво перебирая пальцами тяжёлые перга-

менты, только что доставленные из Рима папским легатом. Листы шуршали, словно сухая осенняя листва, и этот тихий звук странно контрастировал с тяжёлым, мерным стуком литого золотого перстня Ивана, которым он мерно постукивал по дубовой доске. Рядом с ним, подперев подбородок сухой, жилистой рукой, сидел дьяк великокняжеской Казны Степан Бородатый — человек, для которого мерилом княжеского успеха служили не громкие победы, а унции чистого золота да десятина с монастырских пашен.

Напротив них, шурша дорогим шёлком пурпурной сутаны, стоял нунций Святого Престола, епископ Антонио Бонумбре. На его бледном, холёном лице блуждала мягкая, вкрадчивая улыбка опытного римского дипломата. Он привёз в Москву то, что Ватикан веками предлагал европейским королям — сакральное покровительство и признание среди христианских держав.

— Великий князь, — Бонумбре говорил на безупречной латыни, которую литовский толмач едва успевал переводить на сухой московский говор. — Рим славит твою победу над Степью. Святой Отец Сикст IV знает, как тяжело далось Руси избавление от гнета. Но теперь, когда сила Орды сломлена, тебе нужна новая, нерушимая опора. Рим предлагает Москве великий союз. Святейший престол надеялся, что твой брак с Софьей Палеолог наконец восстановит церковное единство христианского мира. Прими Флорентийскую унию, признай власть Апостольского престола, и Наместник

Христа утвердит твой титул перед лицом всех королей Европы. Твои епископы получат высокие церковные чины, а твои купцы — свободный доступ к кредитам великих латинских банков во Флоренции и Милане. Рим откроет для тебя свои сундуки. Ты получишь право вести торговлю по всем латинским путям и держать своё серебро в надёжных векселях. Через этот династический союз к тебе переходят все права на византийское наследие. Стань военным союзником Европы, нанеси удар по туркам-османам с севера, и ты вернёшь себе захваченный Константинополь!

Иван III слушал нунция молча, его лицо оставалось неподвижным, глаза лукаво щурились. Он не перебивал, лишь перевёл вопросительный взгляд на дьяка Степана.

Бородатый едва заметно ухмыльнулся в густую бороду и придвинул к себе раскрытый монастырский гроссбух.

— Полно петь, владыка, — голос дьяка прозвучал сухо, без церковного почтения. — Мы твои латинские грамоты ещё в прошлом году пересчитали, когда Софью Палеолог из Рима сюда везли. Мы всю подоплёку унии насквозь видим. Вы в 1439 году во Флоренции греков уже склонили. Греки подписали вашу унию, подчинили православие папе, отдали вам право церковного суда и долю с византийских епархий. И что? Помогло это Константинополю, когда турецкие пушки его стены в крошево колотили? Рим обещал грекам помощь и мечи, а прислал три дырявые галеры с наёмниками. Вы высосали из Византии последнее золото через свои цер-

ковные поборы, а саму империю бросили в зубы султану, когда выгода пропала.

Великий князь на секунду перестал стучать перстнем, поднял глаза на багровеющего нунция и вскользь, будто размышляя вслух, обронил:

— А ведь если посудить прямо, епископ… То, что мы с себя ордынское ярмо окончательно сбросили — за то спасибо надобно сказать именно османам. Это ведь их султан вашу венецианскую и генуэзскую торговлю в Крыму разогнал да Кафу сжёг. Из-за этого ордынские ханы и разорились, оставшись без ваших кредитов. Османы, сами того не ведая, нам спину освободили. И теперь ты, Бонумбре, предлагаешь мне за вашу унию пойти войной на тех самых османов? Султану в тыл ударить, дабы вернуть вам те самые пути, с которых вы века наше серебро качали?

Иван III медленно опустил ладонь на римские свитки, и под его тяжёлым перстнем с сухим треском лопнул сургуч папской печати.

— Ты за кого нас держишь, нунций? Думаешь, если мы в лесах сидим, так и считать не умеем? Мы перехватили письма генуэзских банкиров из Сарая. Мы знаем, как была устроена ваша подать. Орда веками была для вас орудием: вы тянули через неё наше серебро и золото в Крым, а оттуда — в свои сундуки. Теперь тот путь закрылся, и вы пришли к нам с новым хомутом? Хотите, чтобы наши монастыри платили в Рим, а ваши нунции судили русских людей по латинским

правилам? Хотите владеть нашей казной?

Великий князь поднялся во весь свой огромный рост, со стуком отодвинув тяжёлое кресло. В его глазах лязгнула сталь, перед которой пасовали самые дерзкие кастильские бароны и ордынские ханы.

— Не нужно нам отдавать своё серебро в чужие сундуки, нунций. Ежели Святой Престол хочет с Москвой дела вести, пусть вспомнит право Юстиниана. Там выведено, чья рука держит законный меч и кому принадлежит государева казна. Передай Папе Сиксту: Москва больше не данник Степи, но и вассалом Рима не станет никогда. Мы видели, как умирал Константинополь, предавший свою веру ради латинских векселей. Наша церковь отныне — в своём управлении. Ни один чужой голос не будет решать, кого ставить в митрополиты.

Иван III сделал знак дьяку, и Степан Бородатый с шелестом развернул свиток Соборного уложения:

— Отныне митрополит Московский утверждается здесь, волею Великого князя и собором наших епископов, без единого поклона Риму или Царьграду. Все церковные земли, все монастырские доходы, все пошлины с пашен и промыслов остаются внутри государства. Ни одна серебряная гривна, ни одна крупица золота больше не уйдёт за рубеж ради чужих престолов. Наш сбор — свой, наши сундуки — под нашей печатью, и мы сами решаем, на что тратить казну.

Бонумбре смотрел на Ивана III с растущим, холодным

ужасом. Он, привыкший крутить интриги при дворах Габсбургов и Валуа, впервые столкнулся с силой, которую невозможно было перекупить. Москва не просто сбросила иго — она твёрдо замкнула на себе все нити власти над землёй и казной, не оставив чужим престолам ни доли в русских доходах.

— Это раскол, Великий князь, — тихо проговорил нунций, отступая к дверям, и его шаги по каменным плитам звучали на удивление мелко. — Христианский мир осудит тебя. Ты останешься без поддержки Курии, в полной отчуждённости, без золота латинских домов.

— Мир держится на хлебе и железе, епископ, — Иван III повернулся к окну, спиной к нунцию. — Отчуждённость — это когда нечем кормить полки и нечем ковать мечи. А у нас и хлеб, и железо, и своё серебро. Ступай в свой Рим. Здесь больше не слушают чужих приказов о казне.

Дверь за нунцием захлопнулась с тяжёлым, сухим стуком, эхо которого долго гудело под каменными сводами палаты. Лучано в Риме, когда получит отчёт об этой миссии, поймёт, что его замыслы наткнулись на нерушимую стену. На Востоке родился не просто сильный государь — там утвердилось своё, отдельное хозяйство власти, где ни одна подать не уйдёт мимо государевой руки.

Часть 4: Лиссабонский меморандум и архитектура Океана

1485–1488 гг.

Лиссабон, королевский замок Рибейра.

Холодный атлантический туман, ползущий из устья Тежу, превращал строящиеся на верфях Алфамы корабли в призрачные деревянные скелеты. Лиссабон замерзал в тисках сухопутной осады: на востоке испано-имперские клещи Габсбургов сжимались с каждым месяцем. Португальские купцы были отрезаны от европейских хлебных рынков, а тяжёлые таможенные пошлины Фердинанда Арагонского душили остатки сухопутной торговли. Над короной нависала угроза полного оскудения казны.

Король Жуан II Совершенный стоял на дощатом настиле лесов, прямо у оголённого шпангоута новой тяжёлой нао. Пахло сырым дубом и дёгтем. Монарх понимал: если пустить африканское золото на закупку хлеба в Европе, казна истощится окончательно. Единственным спасением был глубокий Океан: он мог открыть прямой путь к пряностям Индии в обход континентальных посредников. Однако старые средиземноморские суда, созданные для каботажного плавания, ломались и гибли в безжалостных штормах Южной Атлантики.

Под покровом строжайшей тайны Жуан II лично возгла-

вил перестройку португальского флота.

— Ты снова закладываешь кастели на корме и носу, как на старых средиземноморских лоханях, Дуарте? — Жуан II брезгливо тронул концом трости тяжёлый деревянный брус надстройки. — Зачем нам эти напыщенные замки? Пойми своими мозгами: Океан не прощает лишней парусности, а мы больше не собираемся подпускать испанцев на расстояние броска копья.

Корабельный мастер Дуарте испуганно снял суконное бере и низко поклонился, едва не задев палубу:

— Ваше Величество, но без высоких надстроек наши арбалетчики будут беззащитны перед стрелами и камнями противника. Если начнётся ближний бой, как нам удержать верхнюю палубу?

— Мы не будем удерживать палубу. Мы будем топить их корабли до того, как они увидят цвет наших глаз, — отрезал Жуан II. Он резко развернулся к угрюмому, плотно сбитому человеку, чьё лицо было иссушено и выжжено атлантической солью до цвета старой юфти. — Скажи ему, Педру. Каков твой главный враг там, на юге?

Старый штурман Педру на мгновенье задумался и хрипло произнёс:

— Встречный ветер, мой король. Там, далеко за Зелёным Мысом, Гвинейское течение и яростные пассаты бьют прямо в нос. Тяжёлая кастильская махина с её высокими башнями на баке поймает этот ветер как парус, встанет на месте или

разобьётся о прибрежные скалы. Борта должны быть гладкими, а силуэт — низким.

— Вот тебе ответ, Дуарте, — Жуан II жёстко постучал тростью по разложенным на ящике чертежам. — Убери лишнее дерево. Срежь носовые кастели напрочь. Обвесь новую каравеллу-редонду косыми латинскими парусами на фоке и гроте, чтобы она могла резать встречный ветер под острым углом. А на нао оставь прямые паруса только для хода по ветру. Но главное — вот здесь.

Король провёл пальцем по нижней линии чертежа, чуть выше киля:

— Проруби квадратные орудийные порты в самом низу корпуса, как можно ближе к ватерлинии. Мы опустим тяжёлые цельнолитые бронзовые бомбарды в самый трюм. Центр тяжести уйдёт вниз — корабль перестанет валиться и крениться на океанской волне, а наши пушки будут бить кастильским лоханям прямо в подводную часть киля. Мы превратим флот из плавучих замков в манёвренные артиллерийские платформы.

Мастер Дуарте судорожно вглядывался в линии, понимая, что этот приказ перечёркивает триста лет корабельных традиций.

Воплощением этой новой воли стал «Сан-Габриэл» — флагманский нао, сошедший со стапелей Алфамы в канун решающего похода. Это был приземистый, прочно сбитый корабль длиной чуть более двадцати пяти метров и шири-

ной около восьми, способный принять в свои недра почти две сотни тонн груза. Громоздкие, вздымавшиеся к небу носовые башни исчезли, уступив место низкому, покатому баку, который больше не зарывался в штормовую волну. Взамен прежних традиций корабль получил невиданное ранее парусное вооружение: огромные прямые полотнища на фок- и грот-мачтах, украшенные алыми крестами ордена Христа для хода по ветру, и широкую косую латынь на бизани, позволявшую упрямо резать утренний бриз под острым углом.

Главный калибр корабля — длинноствольные бронзовые кулеврины, стрелявшие железными ядрами по настильной траектории, — опустили в самый нисс корпуса. Они хищно поблескивали дулами из квадратных портов у самой ватерлинии, готовые крушить кили вражеских судов, а на верхних палубах замерли легкие скорострельные фальконеты.

8 июля 1497 года на палубу «Сан-Габриэла» в гавани Рештелу поднялся человек, которому доверили судьбу португальской короны, — Васко да Гама. В его суровых, выжженных солнцем глазах играла холодная, почти фанатичная решимость воина. Капитан воспринимал свой нао как живое орудие мести сухопутному миру. Стоя на кормовой надстройке и сжимая рукой резной дубовый поручень, да Гама смотрел, как поджарые каравеллы его эскадры медленно разворачиваются на траверзе устья Тежу. Сквозь зыбкое марево уходящего берега он видел толпы молящихся на раскаленном песке, слышал прощальный грохот береговых мор-

тир, но его взгляд уже был устремлен в туманную ширь Южной Атлантики. Он знал, что этот низкий корпус с тяжелыми кулевринами в трюме и косыми парусами на корме создан для того, чтобы выдержать ярость великого Океана. Сквозь скрип натянутого такелажа и мерный стук волн о дубовую обшивку киля да Гама отчетливо понимал: за его спиной оставались запертые кастильские рубежи, долги Сарая и интриги римских прелатов. Впереди, за непроглядной стеной встречных пассатов, лежал их собственный, оплаченный гвинейским золотом путь к сокровищам Индии — путь, который они пройдут вопреки воле всей старой Европы.

Осенью 1497 года отчёт римских соглядатаев о выходе новой португальской армады в Южную Атлантику лёг на массивный дубовый стол Лучано де ла Коста. В тишине ватиканского кабинета этот пергамент прозвучал как погребальный набат по старому миру. В Риме наконец осознали: эти новые приземистые нао строились в Алфаме не для охраны гвинейских факторий. Жуан II перед смертью успел заложить оружие, способное напрочь сокрушить сухопутную торговую опору континентальных держав и превратить папские буллы в пустую бумагу. Секретная канцелярия Ватикана, теряя лучших людей на туманных пристанях Тежу, начала лихорадочно пытаться перекупить, выкрасть или скопировать португальские королевские карты — падроны, на которые лиссабонские штурманы наносили тайны великого Океана. Наместник Христа терял власть над морскими пу-

тями, и удержать её теперь можно было лишь ценой чужой крови.

Часть 5: Падение Гранады

Август 1492 года. Андалусия, лагерь Санта-Фе под осаждённой Гранадой.

2 января 1492 года Лучано де ла Коста стоял на смотровой башне лагеря Санта-Фе, глядя, как над зубчатыми стенами Альгамбры медленно поднимается огромный серебряный крест и знамя Святого Иакова. Последний оплот мусульман на полуострове пал. Гранадский эмират был ликвидирован.

Лучано мысленно подводил итоги, словно сводил столбцы в гроссбухе: долгие войны, что годами тянули из казны серебро и людские силы, наконец завершились. Теперь административные, налоговые и военные порядки Кастилии и Арагона сливались в единое русло. Рождался крепкий, единый порядок на Пиренеях — огромная, строгая и решительная армия больше не была связана внутренней войной.

Но такая сила не могла стоять без дела: ей требовалось новое дело и новые средства. Достаточно было двух месяцев, чтобы колесо власти повернулось и выдало свой приговор.

31 марта 1492 года Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский подписали в Альгамбре указ об изгнании евреев из всех подвластных им земель. Крайним сроком для отъез-

да или принятия католичества назначили 31 июля 1492 года.

Однако тут принципы власти столкнулись с верой. День 31 июля в том году совпадал с Девятым ава — великой траурной датой еврейского народа, днём, когда были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы. Римские советники и кастильские чиновники быстро поняли опасность: наложить на этот день тяжесть изгнания значило вызвать не просто ропот, а всеобщее оцепенение. Тысячи людей могли застыть на причалах, не в силах сделать шаг, и портовая жизнь встала бы намертво. Чтобы не дать горю и страху сковать дороги и пристани, власти пошли на компромисс: сухопутные границы закрыли, а окончательный срок исхода перенесли на следующий день — 2 августа (10 ава).

Начался тяжёлый, горький финал. В последние недели июля порт Палос-де-ла-Фронтера и гавани устья реки Тинто превратились в кипящий, стремительный водоворот.

Это был распад уклада жизни целого края. Лучано, прибывший в Палос, чтобы следить за движением серебра и золота, видел, как рушится привычный порядок. Тысячи изгнанников штурмовали причалы, стараясь нанять любое судно, способное держаться на воде. Пыль на дорогах к порту смешивалась со стуком сотен колёс. Дома, лавки и купеческие дворы, веками державшие расчёты Андалусии, распродавали имущество за бесценок. Роскошные ковры, резная мебель, виноградники и дома меняли на осла, кусок холста или просто на место на палубе.

Кастильские законы запрещали уносить из страны золото и серебро, и портовые смотрители едва успевали записывать изъятое, разбирать спорные сделки и принимать взятки. Нотариусы сбивались с ног, описывая имущество, а на берегу громоздились тюки и узлы, перекрывая подходы к судам. Крики, плач, просьбы и угрозы сливались в один тяжёлый гул.

К полуночи 2 августа ворота Палоса захлопнулись. Тех, кто остался на берегу, объявили вне закона. Людское море частично ушло в трюмы кораблей, частично осталось лежать на прибрежном песке. Гавань напоминала огромный, раскалённый котёл: над ней висел густой дым костров, и стоял монотонный, протяжный плач сотен семей.

А на следующее утро, 3 августа 1492 года, под покровом густого предрассветного тумана, сквозь этот застывший портовый хаос из гавани Палоса бесшумно начали выходить корабли. Три судна — каравеллы «Пинта» и «Ниньа» под командой братьев Пинсонов и тяжёлая нао «Санта-Мария».

На мостике «Санта-Марии» стоял генуэзец Христофор Колумб — человек, чьи замыслы казались лиссабонским географам безумием. Трюмы его маленькой эскадры были снаряжены в том числе на деньги тех, кто спешил увезти своё достояние из края, где рушились старые порядки. Сквозь крики портовой стражи, стоны изгнанников на причалах и скрип якорных цепей три корабля поймали утренний бриз и медленно пошли к выходу из устья Тинто.

Колумб уходил в неизведанную Атлантику, будто вырываясь из самого сердца великого крушения. Там, на берегу, рассыпались вековые торговые пути, рушились привычные расчёты и меры, а прежние хозяева дорог и денег теряли опору под ногами. Новый путь открывался в море — холодный, безвестный, но свободный от старых цепей.

Часть 6: Сухопутный цугцванг Габсбургов и тайны Океана

конец 1492 года

Рим, Ватикан. Тайный кабинет Священного престола.

Сквозь узкие витражные окна ватиканского кабинета едва пробивался серый декабрьский свет. Лучано де ла Коста стоял у массивного стола, на котором лежали раскрытые книги приходов и расходов римской курии. Напротив него в глубоких креслах сидели высшие чины Апостольской палаты. Атмосфера в комнате была тяжёлой, будто воздух сгустился от невысказанных дурных вестей.

— Жуан окончательно закрыл свои книги для наших аудиторов, — сухо произнёс Лучано, не оборачиваясь. — Лиссабон держится так, словно Пиренейский полуостров обрывается на границе с Кастилией. Они открыто отметают любые денежные требования Святого престола.

— Их казна ломится от гвинейского золота, и они мнят, что вправе не платить десятину в прежнем размере, — ото-

звался один из prelatov. — Но хуже иное: король наотрез отказывается слать своё войско, закалённое в атлантических схватках, в дела, кои Ватикан почитает священными. Они замкнулись в своих выгодах, ставя торговые дворы на африканском берегу.

Лучано повернулся к присутствующим. Лицо его оставалось спокойным, но взгляд был холоден:

— Корона Португалии уверовала, что Океан принадлежит ей одной. Они ломают наш общий порядок, оставаясь недосягаемыми за своей береговой чертой.

Лучано подошёл к огромной карте Европы и провёл пальцем по Пиренейскому полуострову.

— Взгляните сюда. В январе мы завершили дело, которое веками тянуло из папской казны золото и людские силы — Гранада пала, Реконкиста завершена. Кастилия и Арагон слились в единый, крепкий монолит. Налоги идут исправно, законы держатся твёрдо, но мы столкнулись с оборотной стороной этой победы.

Он постучал пальцем по Кастилии и Толедо:

— У новой державы Фердинанда и Изабеллы нет земель за морем, которые могли бы приносить престолу десятину. Зато у неё осталась огромная, суровая и неукротимая армия — конкистадоры, привыкшие к войне. Эти люди не знают ремесла купца и не умеют пахать землю. Их искусство — это меч, осада и штурм. Если не дать им дела за пределами Испании, они обратят свой пыл на саму испанскую землю.

Нам жизненно нужен внешний путь, чтобы отвести эту бурю прочь от христианских пределов.

Лучано сделал знак рукой, и из тени угла кабинета вышел секретарь канцелярии с кожаной папкой, скреплённой сургучной печатью Ватикана.

— Мне требовался рычаг, способный переломить этот узел, — произнёс Лучано. — Я велел нашим осведомителям в Лиссабоне добыть любые вести о том, что ищут португальцы на юге и дальнем западе. Какие земли они наносят на свои тайные карты-падроны?

Секретарь вскрыл пакет и начал зачитывать рапорт, но голос его слегка дрогнул:

— Вести из Лиссабона тревожны, монсеньор. На верфях в Алфаме строят корабли новой конструкции — такие, что способны ходить круто к ветру. Однако добыть чертежи или навигационные карты невозможно. Наша сеть в Португалии почти уничтожена. Каса-де-ла-Гвинея держит всё под жестоким надзором. Любой чужеземец — будь то купец, штурман или простой писарь, — кто попытается выведать хоть слово о «новых землях» либо скопировать падроны, исчезает без следа. Лиссабонские дозорные не терпят ни малейшей утечки. Они держат Океан под замком.

В кабинете повисла мёртвая тишина. Сухопутная хватка, которую Ватикан так долго наводил на Португалию, оказалась бессильной перед этой морской державой.

Лучано медленно прошёлся вдоль стола. Положение каза-

лось безвыходным, но его расчётливый ум уже искал слабину в португальской обороне.

— Если Жуан запер Океан изнутри, значит, мы должны заставить его обороняться там, где он не ждёт, — Лучано остановился напротив карты Италии и Средиземноморья. — Мы не сможем сокрушить их верфи, но можем перехватить само право благословлять и утверждать любые открытия. Священный престол должен держать в руках власть над тем, кому дозволено ступать на новые берега. Нам нужен на престоле Святого Петра такой папа, который не станет оглядываться на Лиссабон и отдаст все будущие доходы от Океана Кастилии — в обмен на то, что испанская рать уйдёт за пределы Европы.

Он резко захлопнул книгу приходов Апостольской палаты:

— Сухопутная сила Габсбургов крепка, но без послушного Рима она лишится опоры. Конкистадоров Фердинанда мы пока удержим у французских рубежей — пусть стоят там, как занесённый клинок. А параллельно канцелярия должна пересмотреть все прежние кастильские прошения о морских путях. Подготовьте грамоты, которые дадут нам право заново очертить пределы дозволенного.

Лучано посмотрел в окно, туда, где за стенами Ватикана Рим жил своей будничной, шумной жизнью, не ведая о том, какие замыслы зреют в этих стенах. Шахматная доска Европы была расчищена, и перед тем, как невидимые силы сде-

лают свой ход, старый мир замер в состоянии цугцванга.

Эпилог: Новая ось Ватикана

август — декабрь 1492 года

Рим, Ватикан. Дворец Бельведер и залы Апостольского дворца.

В августовском Риме воздух стоял плотный, неподвижный, пропитанный удушливой болотной лихорадкой с Тибра и запахом раскалённого известняка. Город бурлил и задыхался за высокими стенами Ватикана, пока за запертыми ставнями Сикстинской капеллы решалась судьба власти и доходов христианского мира.

11 августа 1492 года Лучано де ла Коста стоял в тени галереи Бельведера, наблюдая за тем, как над крышей капеллы поднимается лёгкий белый дым — сфумата. Сухопутный узел, в который Жуан II Португальский загнал старые торговые пути своим прорывом в Океан, требовал от Рима немедленного и твёрдого ответа. И Лучано этот ответ подготовил. Тихая работа в кардинальских покоях завершилась безупречно: конклав объявил имя нового понтифика. Им стал вице-канцлер курии, кардинал Родриго Борджиа, принявший имя Александр VI.

Когда спустя несколько дней в базилике Святого Петра гремели трубы и ковали золото для коронации, Лучано уже сидел в малом кабинете Апостольского дворца. Напротив

него, в тяжёлом папском кресле, обитом пунцовым бархатом, грузно расположился новоизбранный наместник Христа. На широком, властном лице Борджиа не было и следа духовного трепета — только холодный, расчётливый ум человека, привыкшего взвешивать выгоды и угрозы.

— Лиссабон не прислал поздравлений, Лучано, — Александр VI неторопливо перебирал тяжёлые золотые перстни на пухлых пальцах. — Жуан мнит, что его каравеллы на юге Африки делают его господином над самим морем. Он по-прежнему запирает порты для наших инспекторов и не желает делиться доходами с Гвинеи.

— Пусть мнит, Ваше Святейшество, — Лучано спокойно развернул на столе чистый лист пергамента. — Жуан держит Океан силой, но у него нет главного — права благословлять и утверждать новые пути. Он португалец, а вы — уроженец Валенсии. Вся сила новорождённой пиренейской державы, вся кастильская рать конкистадоров, что осталась без дела после падения Гранады и способна потрясти всю Европу, теперь может служить вашему престолу по праву веры и долга. Кастилия ждёт от вас лишь одного — чтобы Священный престол признал их право на всё, что лежит за горизонтом.

Папа Александр VI усмехнулся, и в этой улыбке проступила вся его твёрдая опора на Испанию:

— Корона Кастилии получит это право. Мы свяжем силу и слово Святого престола с Фердинандом и Изабеллой так крепко, что Лиссабону придётся либо вступить в тяжкий

спор со всем христианским миром, либо склониться перед волей Рима. Подготовь грамоту. Мы проведём меридиан по Океану и отдадим Кастилия все земли и пути, что лежат западнее островов Кабо-Верде. Единовластие Жуана над морскими дорогами должно быть ограничено законом и печатью престола.

Лучано склонил голову. Старая система, что веками держалась на связях с немецкими и венецианскими домами, давала трещину, но теперь Ватикан поворачивал всю свою власть на Запад. Происпанский курс Рима, взятый в канун великих открытий, отдавал будущее богатство новых земель в руки Кастилия и оставлял строптивую Португалию в одиночестве.

Большая игра 1492 года была сыграна. Колесо истории сделало свой первый тяжёлый оборот, и старый мир замер на пороге великих перемен.

Глава 3

Пролог

Три месяца беспощадного марша сквозь бездну износили маленькое судно до предела. Каравелла «Нинья», тяжело переваливаясь с борта на борт, уходила носом в просевшие, маслянистые океанские впадины, пробиваясь к устью Тежу. Палуба была покрыта белой, разъедающей дерево коркой высохшей соли, а сосновые планширы потрескались от постоянных ударов волн. Снаружи обшивка корпуса стонала и скрипела под напором встречного вала — каждый удар тяжелой океанской зыби отзывался внутри деревянного скелета каравеллы протяжным, утробным скрежетом шпангоутов, словно судно из последних сил удерживало целостность своего киля.

Снасти грот-мачты превратились в жесткие, растрепанные пеньковые плети, наспех перевязанные узлами после океанских штормов, а обтрепанное полотнище фока бессильно хлопало на ветру. Из трюма доносился монотонный, изнурительный стук походных помп — обшивка у самого киля дала глубокую трещину, и матросы выбивались из сил,

часами вычерпывая сочащуюся морскую воду. Лица моряков были серыми от копоти, въевшейся соли и смертельной усталости; их запавшие глаза тупо смотрели на приближающуюся землю, а распухшие, покрытые кусачими трещинами пальцы едва удерживали обледеневшие канаты. Корабль буквально выл на волнах, требуя немедленного ремонта и сухой доковой стоянки.

На кормовом юте, намертво вцепившись пальцами в обледеневший фальшборт, стоял Христофор Колумб. Из трюмного люка, спотыкаясь и хватаясь за ванты, на палубу выбрался молодой кастильский матрос — Педро. На его лице, измазанном сажей, читалось глубокое, вязкое сомнение.

— Господин адмирал... — Педро с трудом удержался на ногах при резком толчке волны. — Мы пересчитали этих птиц в клетках и куски коры, что вы велели запереть в сундуки. Кожа у дикарей смуглая, это верно... Но штурман Ганс говорит, что настоящая Индия пахнет черным перцем, корицей и мускатом. Мой отец возил сукно в Александрию и помнит левантийский транзит. А у нас в трюме — лишь сухой папоротник да горькие травы. Конечно, это успех, мы нашли землю, но что-то она совсем не похожа на Индию. Неужели мы промахнулись, Христофор?

Колумб медленно повернулся к собеседнику, и его серые глаза под нависшими бровями недобро сверкнули.

— Ты смотришь на внешнюю форму, Педро, и рассуждаешь как простой солдат, — адмирал указал на вырастающие

из тумана каменные башни португальской Алфамы. — Да, перца на Эспаньоле мы пока не нашли. Но мы нашли главное — свободную землю. Мы открыли новый маршрут. Там, за этой бездной, лежат страны, где золото дикари отдают за корзину стеклянных бус, а маржа на следующем рейсе окупит все затраты. Если это не Индия, Педро, значит, мы назовем эти земли Индиями сами, и весь мир будет играть по нашим правилам. Молчи и делай свою работу.

В этот момент предрассветный туман впереди разорвался, и марсовый из бочки на мачте истошно, срывая голос, заорал на всю палубу:

— Земля на траверсе! Вижу башни Рештелу! Идут скалы!

Колумб перехватил румпель, и Ганс навалился на рычаг рядом с ним. Капитан обвел глазами избитый, стонущий корпус каравеллы. На его лице застыла сухая решимость.

— Это гавань Лиссабона, Ганс, — жестко, отсекая любые сомнения, произнес адмирал. — Придется зайти. Иначе мы просто развалимся в этих проливах, и мир так ничего и не узнает о нашем великом открытии. Океан был слишком яростен у мыса Рока, киль едва держится, а изношенный рангоут не оставил моей измученной команде иного выбора.

Часть 1. Океанический шок и Лиссабонский тупик

Март 1493 года

Холодный мартовский туман, плотными пластами ползущий из устья Тежу, превращал Лиссабон в призрачный, застывший в ожидании город.

Смотровые башни королевского замка Рибейра угрюмо вонзались в глухую серо-белую пелену, сожравшую устье реки Тежу. Лиссабон казался призрачным, рассыпающимся городом-привидением: сырой атлантический туман заживо хоронил под собой крутые кружева нищих переулков Алфамы, превращая пришвартованные на верфях нао в уродливые скелеты левиафанов. Из окон королевской залы город виделся запертой, задыхающейся в глухой блокаде мышеловкой. Сухопутные кастильские клещи на востоке намертво пережали все тракты, а грабительские пошлины Толедо удушающей удавкой стянули шею португальского купечества. Пристани пустовали, портовые склады чернели в сырости, и над растрескавшейся черепицей сотен крыш висела звенящая, липкая тишина. И этот застывший паралич Ойкумены взорвался в один миг, когда сквозь мокрую вату тумана к причалам Рештелу выползла избитая штормами каравелла «Нинья» Христофора Колумба, волоча за собой весть из неведомых «Западных Индий».

Информация об экспедиции носила статус строжайшей тайны и принадлежала только Толедо, но волею судеб «Нинья» сначала зашла в Лиссабон. Колумб усердно списывал этот маневр на злой рок, яростный шторм и треснувший киль, не оставившие ему выбора. Жуан II Совершенный со-

крушенно сочувствовал капризам погоды, пока его картографы прямо в зале Рибейра торопливо переносили на свои падроны сочащиеся солью черновики испанских карт. Очень скоро Колумб получил приглашение на аудиенцию к Жуану II.

Колумб вошел в парадную залу дворца Рибейра уверенным, размашистым шагом, несмотря на покрытый соляной коркой, изношенный в штормах кафтан. Зала являла собой колоссальный, вытянутый неф, сложенный из грубо отесанных блоков серого прибрежного гранита, чья монументальная кладка подавляла всякого входящего своей вековой, неподвижной массой. Стрельчатые готические своды уходили высоко вверх, теряясь в густом полумраке, где тяжелые замковые камни прочно удерживали колоссальный вес кровли. Из узких, острых оконных проемов, прорубленных в трехметровой толще стен, падал скупой, холодный свет, ровными геометрическими полосами рассекая пространство и застывая на безупречно гладких плитах порфирового пола. По обе стороны этого каменного коридора, у подножия массивного португальского помоста, замерли свидетели — португальские картографы, писцы Каса-де-ла-Гвинея и высшие придворные чины. Король Жуан II Совершенный сидел в глубоком кресле, вырезанном из единого куска черного дуба, лениво перебирая пальцами тяжелые золотые перстни. На его губах блуждала тонкая, леденящая ухмылка.

— Кого я вижу, дорогой Христофор, какими судьбами? —

вкрадчиво произнес Жуан II, и его голос с безупречно разыгранным, издевательским сочувствием разнесся под каменными сводами. — Как же так, дорогой Христофор, проделать такой длинный путь в сотни лиг и самую малость не дотянуть до Испании? Неужели встречный шторм оказался настолько избирательным, что пригнал твою «Нинью» точно к моим причалам?

Колумб хладнокровно выдержал паузу под прицелом десятков глаз, а затем, криво усмехнувшись, размашисто шагнул вперед.

— Океан — опасный свидетель, Ваше Величество, — ровным, пугающе спокойным тоном ответил генуэзец. — Именно шторм. Чистейшее стечение обстоятельств. Состояние корабля не оставило моей измученной команде иного выбора, кроме как просить передышки в этой спасительной гавани у Ависской династии. Но Океан вознаградил нас за этот страх.

Адмирал резко повернулся к слугам и сорвал холстину с тяжелого лотка.

— Взгляните сюда, доны! Мы открыли путь к неиссякаемым богатствам! — Колумб с гордостью принялся расписывать масштабы своего триумфа, демонстрируя удивленной зале невиданные в Европе птичьи перья и бледных, испуганных рабов. Он запустил руку в кожаный мешок и с сухим металлическим звоном высыпал на дубовый стол перед королевскими секретарями горсть тяжелого, тёмно-рыжего зо-

лотого песка. — Это чистое золото Эспаньолы, Ваше Величество! Кастилия получила новые Индии! Там, за великой водой, лежат земли, где металл дикари меняют на стеклянные бусы!

Жуан II Совершенный даже не взглянул на золото. Он медленно наклонился вперед, опершись подбородком на сложенные замком пальцы. В его глазах светился холодный, бритвенно-острый интерес навигатора.

— Золотой песок дикарей — это хорошая добыча для корсара, адмирал, — ледяным тоном прервал его король, заставив залу мгновенно притихнуть. — Но ты заявляешь, что достиг Индий. Ответь мне прямо, Христофор: где мешки с настоящим черным перцем, левантийским коричным мускатом и шелком? Где великие каменные города Великого Хана с их верфями и таможенными палатами? Мои каравеллы качают золото в Мине без твоих Индий. Торговле нужны специи и рынки, а не перья лесных птиц. Покажи мне пользу твоего открытия, или ты привез Габсбургам лишь пустые острова?

Колумб на секунду смешался, его пальцы судорожно сжали обшлаг соленого кафтана, но он упрямо вскинул голову:

— Города и пряности лежат чуть дальше на запад, Сир! Мы лишь коснулись первых берегов Индии! Специи привезут в следующие экспедиции!

Жуан II медленно откинулся на спинку кресла, и его ухмылка превратилась в жесткую маску суверена.

— Спасибо за столь подробное и детальное описание твоего плавания, дорогой Христофор. Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что теперь, согласно нашему договору в Алкасоваше от 1479 года, все эти земли — мои. Всё, что ты нашел в этих широтах, принадлежит португальской короне.

Король резко повернулся к председателю своей придворной канцелярии:

— Немедленно готовьте официальную претензию. Срочно отправляйте курьера в Толедо. Будем приучать их к хорошим манерам.

Апрельское солнце Барселоны обманчиво сверкало над готическими зубцами Паласио-де-лос-Рейес, но с моря тянул резкий, пронизывающий весенний ветер, гоня по камням площади облака сухой пыли и запах соленого ветра. Этот колоссальный готический чертог, зажатый между массивными каменными опорами, неохотно расставался с зимней стужей: широкие полукруглые арки, подпирающие плоский деревянный потолок, уходили во влажный полумрак, словно ребра застывшего в камне левиафана. Стены, сложенные из тяжелых блоков известняка, дышали суровым холодом и, казалось, сжимали пространство вокруг длинного стола, покрытого суровым зеленым сукном.

Фердинанд Арагонский сидел во главе стола, подперев подбородок рукой в тяжелых перстнях. Рядом с ним, перебирая тонкими пальцами четки, неподвижно возвышалась Изабелла Кастильская.

Христофор Колумб стоял напротив порфирового помоста, и его былая лиссабонская спесь таяла с каждой секундой. Адмирал, только что закончивший свой отчет об экспедиции, в котором умышленно и подробно расписывал масштабы своего океанского триумфа, растерянно переступал с ноги на ногу. Кастильские вельможи хмуро переглядывались. Фердинанд уставился на Колумба, и в его ледяном кастильском говоре прозвучал опасный, сдерживаемый гнев:

— Как же так, дорогой Христофор, проделать такой длинный путь в сотни лиг и перепутать Испанию и Португалию? Как так получилось, что шторм пригнал твою «Нинью» точно к Жуану II?

Колумб мгновенно побледнел, его пальцы судорожно впились в соленый обшлаг кафтана, а на лбу выступили крупные капли холодного пота.

— Ваше Величество... — сиплым, сорванным голосом выдавил из себя генуэзец, делая шаг назад перед помостом. — Шторм... Непреодолимая сила шторма у мыса Рока. Каравелла «Нинья» едва держалась на воде, киль растрескался, а измученная команда молила о спасительной гавани. Я был вынужден бросить якорь в Тежу, дабы спасти жизни ваших подданных и сами отчеты экспедиции! У меня не было иного пути! Жуан II силой заставил меня явиться во дворец Рибейра, я лишь отвечал на его расспросы...

Фердинанд даже не повернулся в сторону оправдывающегося адмирала. Король с сухим треском опустил на зеленое

сукно узкий пергаментный свиток, припечатанный свинцовым португальским клеймом. На стол Салона-дель-Тинель с грохотом легли официальные претензии короля Жуана II на все открытые Колумбом земли. Испанцев обогнали на тракте, и португальский вестовой привез ультиматум Ависской династии до того, как адмирал успел выгрузить заморские трофеи на причал. Жуан прямо заявлял, что новые «Индии» по договору 1479 года лежат ниже указанной в соглашении широты и целиком принадлежат Лиссабону.

Фердинанд медленно перевел свой строгий, давящий взгляд на стоявшего у края стола Великого канцлера Кастилии:

— Скажи мне, дон, что по суровым законам нашей короны полагается за нарушение указа о секретности и выдачу португальцам тайн экспедиции?

— Ваше Высокопреосвященство, — ровным, сухим тоном отозвался канцлер, — за это варят в масле живьем. На главной площади, без права на каноническую исповедь и отпевание.

В Салоне-дель-Тинель воцарилась гробовая, удушающая тишина. Лицо Христофора Колумба мгновенно стало бледнее известняковых скал Андалусии, дыхание перехватило, а колени под грязным бархатом кафтана мелко и неудержимо затряслись. Он замер, превратившись в соляной столб, и больше ни единого слова, ни единого звука не вылетело из его пересохшего горла.

С этого момента вопрос суверенитета Океана окончательно перешел в плоскость Ватикана — Папа готовился расчертить глобус папской буллой.

В залах Апостольской канцелярии Ватикана сонм бледных скрипторов и нотариусов неподвижно и безропотно трудился на благо христианской паствы, превращая державную волю Рима в ровные строки сакрального закона. Под высокими сводами стоял лишь непрекращающийся, сухой шелест переворачиваемых страниц, мерный скрип сотен тростниковых перьев да глухой стук тяжелых свинцовых булл, опускавшихся на растопленный сургуч. Прохладный полумрак комнат, едва прорезаемый тонкими лучами весеннего солнца из узких окон, дышал острой гарью оплывающих сальных свечей и едким, вяжущим ароматом свежих железогалловых чернил.

Вице-канцлер и Камерарий Святого Престола Лучано де ла Коста сидел за массивным пюпитром, заваленным шифрованными депешами. Вокруг него сгрудились высшие чины Курии и бледные скрипторы Апостольской палаты. Лучано только что закончил читать вслух панические письма от испанских епископов из Барселоны. Он медленно опустил лист на сукно и скрестил сухие пальцы. На его лице, как обычно, застыл леденящий, абсолютно неподвижный триумф.

Генеральный тезаврарий Курии, потрясенный известиями, первым нарушил тишину, нервно побарабанив пальцами по краю конторки:

— Наверное, этот генуэзский выскочка сильно задолжал Жуану... Так нагло и публично выложить португальцам результаты экспедиции — это уму непостижимо! Кастильские доны в ярости. Фердинанд уже стягивает терции к границам.

— И португальцы не будут молчать, — хмуро добавил начальник Священной пенитенциарии, разворачивая карту Пиренеев. — Жуан II Совершенный уже вывел каравеллы-редонды Жорже Коррейи к Барселоне. За наглость испанцев Ависская династия просто разнесет в щепки кастильский флот и начнет полномасштабную войну на истощение. Португалия запрет Толедо на суше.

Лучано де ла Коста медленно поднялся, и полы его темной сутаны сухо зашуршали по каменным плитам архива. В его глазах отразился багровый блик оплывающей свечи.

— Война на Пиренеях прямо сейчас не входит в интересы ни Папы Римского, ни Священной Римской империи. Это похоже на провокацию. Кто-то умышленно хочет стравить наших добрых католиков, чтобы они тратили свои ресурсы на оплату собственных воинов и наемников, а не слали аннаты и десятины Святому Престолу. Сами того не ведая, эти монархи ломают всю нашу финансовую систему. Нам нужно спасать паству... а точнее — спасать наши будущие океанические прибыли.

Лучано упёрся ладонями в пюпитр, и его голос зазвучал под сводами канцелярии со всей веской бескомпромиссностью:

— Сила португальских пушек неоспорима, но у Жуана нет права на легитимацию будущего. Мы обязаны оседлать этот бесконечный Океан, ввести новый порядок, основанный на правилах Ватикана. Мы напишем буллу. Я лично представлю этот проект Папе Александру VI. Мы проведем демаркационную линию в ста лигах к западу от Азорских островов. Всё, что западнее, отдадим Толедо.

Бюрократическая махина Ватикана провернулась с сухим канцелярским скрипом. Папская булла легла на столы пиренейских королей, заставив Жуана II и Фердинанда начать договариваться. Континентальная война была заблокирована.

Спустя год судорожных дипломатических маневров и яростных споров, запущенных папским декретом, в кастильском Тордесильясе Толедо и Лиссабон начали делить мир на бумаге, особо не интересуясь мнением этого самого мира...

В душной, пропахшей воском келье монастыря Санта-Клара за длинным столом сидели португальские и испанские поверенные. Перед ними лежал огромный, стянутый медными обручами пергаментный глобус. Кастильцы были взвинчены до предела. Маркиз де Аяла, представитель Толедо, то и дело вскакивал, шумно гремя тяжелой серебряной цепью на камзоле, и яростно тыкал пальцем в папскую черту Александра VI, проведенную в ста лигах от Кабо-Верде.

— Это грабеж среди бела дня, доны! — кастилец со стуком опустил кулак на стол, отчего чернильницы вздрогнули. — Папа Борджиа уже расчертил Океан своей буллой! Всё,

что западнее — наше по праву крови и креста! Вы требуете сдвинуть меридиан еще на триста лиг к западу? Зачем? Чтобы ваши каравеллы-латины отрезали нам путь на юг? Кастилия не уступит ни мили! Если вы выведете свои нао из Лиссабона, наши полки завтра же перейдут границу у Торо!

Глава португальской миссии, старый штурман и дипломат Руй де Соуза, слушал эту тираду с леденящим, неподвижным спокойствием. Он не вскакивал, не хватался за эфес меча и даже не повышал голоса. Его загорелое до черноты лицо, иссушенное атлантической солью, казалось каменной маской. Он медленно пододвинул к себе кубок с легким вином, сделал глоток и ровно, размеренно ответил:

— Успокойте свой гнев, маркиз. Война на Пиренеях — слишком дорогое предприятие для обеих корон. Кастильская шерсть сгорит в амбарах, а наши соляные откупы закроются с дефицитом. Мы все прекрасно понимаем, что лучше договориться здесь, чем жечь наши каравеллы в проливах. Лиссабон не оспаривает право вашей королевы на острова, найденные Колумбом. Мы лишь просим пространства для маневра в Океане. Триста семьдесят лиг от островов Зеленого Мыса. Перенесите черту туда, и наши короли подпишут вечный мир.

Испанские гранды растерянно переглянулись. То, с каким монотонным, сытым спокойствием португальцы отдавали им колоссальные, бескрайние просторы запада, наводило на глухие и вязкие подозрения. Наследник Арагона Ферди-

нанд, тайно следивший за ходом торгов через своих соглядатаев, чувствовал в этой португальской уступчивости скрытый, пугающий капкан. Руй де Соуза и его навигаторы отдавали запад почти не глядя, словно они уже точно и неоспоримо знали об очертаниях Океана то, чего Толедо и Ватикан даже не могли предположить в своих самых дерзких расчетах. Португальские секретные падроны хранили тайну Южной Атлантики, которая еще не была занесена в морские карты кастильцев.

— Мы... мы согласны, — после тяжелой паузы выдохнул маркиз де Аяла, беря тростниковый калам. — Триста семьдесят лиг к западу. Пишите контракт.

Писцы торопливо заскрипели перьями. Был подписан Тордесильясский договор.

Две неполные сотни кастильцев и португальцев, запершись в провинциальной монастырской келье, твердой рукой провели по глобусу одну-единственную сплошную линию. Одним росчерком пера они хладнокровно и буднично распилили надвое целый земной шар, навечно разделив между своими королями все материки, океаны, будущие колониальные империи и неисчислимые богатства Ойкумены, и при этом абсолютно никого на этой планете не спросив. Мир безвозвратно изменился. Старый сухопутный баланс Суши умер в этот полдень, и Океан послушно улегся в бухгалтерские книги Системы.

Часть 2. Антверпенский маневр

1493 год

Сухой, морозный декабрьский ветер Аугсбурга яростно свистел в слюдяных оконцах главной конторы торгового дома Фуггеров, но внутри просторного кабинета Якоба было жарко от пылающих в камине сосновых поленьев. В воздухе пахло растопленным воском и дорогой рейнской кожей архивных переплетов. На массивном столе из цельного дуба высились стопки срочных депеш, доставленных утренней курьерской почтой с набережной Риальто.

Венеция тонула без шума. Государственные облигации Республики — мости — прямо на глазах Якоба Фуггера превращались в ничем не обеспеченную макулатуру. Из шифрованных рапортов левантийских факторов следовало, что Мехмед II окончательно задушил торговлю лагуны в Галлиполи: пошлины превысили всю годовую десятину Германии, а чистая норма прибыли на шелке и перце рухнула ниже критических семи с половиной процентов. Итальянская наемная военная модель вошла в терминальную стадию дефолта.

Якоб Фуггер сидел неподвижно, подперев подбородок сухой ладонью. Его лицо, гладко выбритое и сосредоточенное, напоминало лицо расчетливого чеканщика монет. Страх перед кризисом на рынке давно сменился жестким, математическим азартом игрока. Он не собирался спасать венециан-

ских менял. Капитал не имеет родины и не знает сострадания — он подчиняется только законам самого капитала.

Рядом у камина грел замерзшие руки его старший брат Ульрих, нервно перебирая пергаменты тирольских серебряных рудников Шваца.

— Венецианские банки Борромео и Медичи выгребают последние резервы, Якоб, — хмуро произнес Ульрих, не поворачивая головы к брату. — Они умоляют нас пролонгировать кредитную линию еще на два квартала. Просят живое серебро Шваца под залог будущих левантийских поставок. Если мы откажем — лагуна лопнет до весеннего прилива.

Якоб Фуггер медленно потянулся к столу, взял длинный тростниковый калам, обмакнул его в чернила и одним размашистым, безжалостным движением перечеркнул крест-накрест всю левантийскую графу в главном гроссбухе Аугсбурга.

— Ни единого пфеннига в лагуну, Ульрих, — ледяным тоном отчеканил Якоб, и звук его пера прозвучал в тишине как окончательный приговор старому миру. — Старый Левант — банкрот. Венеция превратилась в исторический тупик, и если мы продолжим качать тирольское серебро в их пустые сейфы ради турецких пряностей, мы своими руками оплатим османские пушки, которые завтра придут штурмовать Внутреннюю Австрию. Купеческий капитал Германии больше не будет спонсировать покойников. Торговая ось Европы смещается. Океан открыл новый торговый путь, и португаль-

ские каравеллы Жуана II уже качают золото у гвинейских дикарей напрямую, минуя средиземноморский транзит. Жидкая ликвидность Ойкумены со свистом уходит на Север.

Якоб поднялся, подошел к огромной напольной карте и жестко вонзил кончик костяного стилоса в устье реки Шельды, где чернела точка фламандского порта:

— Мы открываем новый финансовый центр, Ульрих. Экстренно. Не жалея золота. Наш новый филиал закладывается в Антверпене.

Ульрих удивленно приподнял брови:

— Фландрия? Но там нет наших рудников, Якоб! Зачем переносить туда оборотный капитал дома?

— Потому что туда придет португальское золото и испанская шерсть, брат, — Якоб Фуггер цинично улыбнулся, и в его глазах отразился багровый отсвет камина. — Лиссабон мал, у него нет собственного производства и зерна. Чтобы переварить океаническую ренту, Ависской династии позарез нужны наши металлы, сукно и серебро. Мы строим центр в Антверпене, чтобы перехватить грядущие колониальные товары напрямую у океанских причалов, минуя всех посредников. Свободные деньги империи эвакуируются на Север. Мы переворачиваем доску, Ульрих. Пусть Италия исходит кровью — её дни сочтены. Завтра наши караваны с серебром Шваца разворачиваются на Антверпен.

Финансовая машина немецкого капитала провернулась с сухим, лязгающим звуком закрывающихся сундуков. Ста-

рый мир Суши и левантийского транзита официально списывался в утиль.

Часть 3. Вторая экспедиция

Сентябрь 1493 — 1494

Сентябрьский Кадис тонул в ослепительном, ликующем блеске андалусского солнца. Воздух над портовой гаванью, некогда привыкшей к скромному, сонному быту каботажных рыболовецких лодок, ныне звенел и вибрировал от непрекращающегося, оглушительного гула человеческого муравейника. Стоял непрекращающийся, оглушительный рев. Воздух над причалами был густым и осязаемым: в нем витал соленый, горьковатый запах близкого Океана. Скрипели деревянные портовые краны, звенели кованые канаты, а сотни матросов на десятках кастильских диалектов вколачивали тяжелые дубовые пробки в винные и водяные бочки. На рейде, перекрыв фарватер для обычных купеческих судов, покачивалась колоссальная, невиданная доселе армада. Семнадцать тяжелых кораблей стояли на рейде и были готовы к отплытию. На них расположилась целая армия в полторы тысячи человек. Еще немного, и флот выстроится в кильватерную колонну и начнет свой путь на запад, в «Индии».

Накануне отплытия в раскинувшемся у самого причала королевском шатре, распахнутый шелковый полог которого открывал безбрежную панораму залива, Христофор Ко-

лумб принимал последнее напутствие короны. Фердинанд Арагонский сидел на походном стуле, лениво поигрывая тяжелым золотым навигационным циркулем. Напротив него в резном кресле полулежала Изабелла Кастильская — статная, ослепительно белокожая женщина с легким, едва заметным румянцем на округлых щеках и ясным, проницательным взглядом зеленовато-голубых глаз. Из-под ее шитого жемчугом венца на плечи каскадом падали густые, золотисто-каштановые волосы, поблескивавшие на солнце.

Королева явно наслаждалась этим полуднем. Ее тонкие пальцы в кольцах небрежно опустились в серебряное походное блюдо, усыпанное каплями ледяной воды: она не торопясь лакомилась сочной спелой смоквой и мелкими андалусскими абрикосами. Откинув голову на бархатную подушку, Изабелла сделала глоток легкого, золотистого хереса из тонкого кубка, который слуга держал наготове. Глаза королевы лучились гордостью: она любовалась тем, как ее флот мерно покачивается на бирюзовых волнах Кадиса.

— Мы снарядили для тебя целую армию, адмирал, — негромко произнес Фердинанд, и его холодный взгляд в упор уставился на коленопреклоненного генуэзца. — Семнадцать великолепных кораблей, лучшие пушки и полторы тысячи воинов. Севильская палата сильно постаралась ради твоих обещаний. Мы ждем от тебя не просто перьев диких птиц и рассказов о набожности индейцев. Корона ждет настоящий индийский черный перец, мускат и шелк, а также сундуки

с золотом, которые закроют наши долги перед Аугсбургом. Если ты доставишь эти сокровища в Кадис — твое богатство, твои титулы и вечная слава твоего рода будут вписаны в законы Толедо на вечные времена.

Король на секунду замолчал, и циркуль в его руке с сухим звуком закрылся. На губах монарха проступила жесткая, леденящая ухмылка суверена.

— Но если ты привезешь нам фиаско, Колумб... Если твои Индии окажутся лишь грудой пустых малярийных островов, а долги перед менялами полностью опустошат сундуки короны... Мы надеемся, что недавний инцидент в Лиссабоне, когда твоя каравелла перепутала Португалию с Испанией, стал для тебя хорошим, запоминающимся уроком. Нам бы очень не хотелось, адмирал, чтобы неаполитанские нотариусы перечитывали морской устав в поисках пунктов об измене. Ты ведь помнишь, что за это полагается?

Колумб судорожно сглотнул, его лицо мгновенно стало бледнее морской соли, а ладони покрылись липким потом. Он склонил голову до самой земли, почти касаясь лбом кастильских сапог Фердинанда.

— Клянусь Пресвятой Девой и ранами Господними, Ваше Величество! — лихорадочно, с затаенным страхом зашептал адмирал, крестясь дрожащей рукой. — Тот визит в Тежу был лишь злым роком погоды, клянусь! Я не подведу корону Кастилии! Вы получите ваши специи, ваши шелка, вы получите фактории, и великие города откроют свои порты вашим ко-

раблям! Я все сделаю, я открою эти новые земли, или пусть Океан похоронит мое имя навсегда!

— Иди, Христофор, и помни о нашем милосердии, — лениво махнул рукой Фердинанд.

Лучано де ла Коста наблюдал за этой грандиозной транспортной операцией, стоя на смотровой галерее конторы Севильской палаты. Его сухие, бледные пальцы медленно разворачивали свежую налоговую ведомость Апостольской палаты. Рядом с ним, кутаясь в скромный шерстяной плащ, стоял молодой Якоб Фуггер, чьи глаза беспристрастно фиксировали объемы уходящего за море капитала.

— Кастилия верит, что снаряжает армаду ради обращения дикарей и поиска золотых городов, Якоб, — тихо, но веско произнес Лучано, и его ледяной тон заставил Фуггера едва заметно улыбнуться. — Пусть верят. Канцелярия Севильи решает куда более прозаическую задачу. Наша старая Европа задыхается, она уперлась в потолок собственных возможностей. Земля на континенте еще есть, но она скована старыми законами, а право майората плодит тысячи голодных младших сыновей — идальго, которые умеют лишь проливать кровь и презирают плуг. Если не дать им новое пространство, они сожгут саму Испанию в огне междоусобиц.

Лучано перевел взгляд на бирюзовые волны залива, где покачивались тяжелые нао, и жестко резюмировал:

— Мы отправляем эту рать за Океан не только ради креста, а чтобы разжать удушающие тиски, в которых мы ока-

зались. Нашим рудникам в Тироле и Саксонии не хватает мощи, чтобы насытить чеканные дворы, а турки намертво заперли восточный транзит, выкачивая из нас последнее серебро. Европа больна «золотым голодом» и ресурсной неполноценностью. Мы будем строить фактории, закладывать новые пашни и добывать золото, чтобы дать Старому Свету перевести дух.

Якоб Фуггер сделал отметку на полях своей счетной книги, где тирольское серебро уже пересчитывалось по новому, североевропейскому курсу:

— Мы оплатили этот фрахт, Лучано. Севильская палата получила наши кредиты. Но поселенцам на той стороне бездны понадобится регулярное снабжение — овёс, подковы, кованые гвозди. Антверпен готов переварить эти заказы.

Колумб поднялся на шканцы своего нового, огромного флагмана «Санта-Мария-ла-Антигуа». Настал час его абсолютного, величественного триумфа.

Он стоял, высоко запрокинув голову и широко расправив плечи. Адмирал был облачен в парадный, тяжелый пурпурный бархатный плащ. Под плащом тускло поблескивала вызолоченная нагрудная пластина кирасы, а рука в перчатке из мягкой кордовской кожи уверенно и гордо покоилась на эфесе парадной спаты. Из-под парадной шляпы с тяжелым плюмажем на обветренное, покрытое соляной патиной лицо падали седые пряди волос, но в его серых, немигающих глазах, устремленных на уходящую за горизонт эскадру, горел опас-

ный, фанатичный и всепоглощающий огонь демиурга. Этот слепящий блеск выдавал в нем человека, готового силой своей воли перекроить всю карту планеты. Он чувствовал себя истинным Владыкой Океана, перед которым пасовали короли и расступалась морская бездна.

Состав этого гигантского флота поражал воображение. Основу составляли три огромные трехмачтовые нао — пузатые, глубоко осевшие в воду дубовые левиафаны, чьи широкие палубы были загромождены походными загонами для скота. Остальную лавину составляли четырнадцать маневренных каравелл-редонд с острыми обводами кормы и средней грузоподъемностью. В трюмы этих судов были помещены тонны отборного кастильского овса, солонины, сухарей и походного провианта, способного месяцами кормить колонизаторов вдали от Европы. Из открытых бортовых люков угрюмо щетинились стволы пушек и скорострельных бомбарделл на вертлюгах, а палубы были до отказа забиты сотнями ящиков с порохом, кованым железом и тяжелыми осадными цепями.

В этой экспедиции больше не было места импровизации и наивному романтизму первооткрывателей. Весь личный состав экспедиции был скрупулезно отобран Севильской палатой. Шеренги конкистадоров и надменных обедневших идальго, закованных в матово-серые, покрытые корабельной олифой кирасы, угрюмо ждали погрузки. Рядом с ними стояли королевские нотариусы, землемеры, шорники, столяры и

мастера других профессий. Они везли с собой инструменты для обустройства нового дома: тяжелые мешки с семенами европейской ржи, племенных свиней и полторы сотни породистых кастильских дестриэ, чьи крупы лоснились под безжалостным южным солнцем.

Первые, соленые и прохладные атлантические волны с шумом и белой пеной начали бить в дубовые носы нао, разбиваясь на тысячи сверкающих брызг. Сильный, попутный океанский бриз со свистом ударил в корму, и огромные прямые паруса с алыми крестами надулись, увлекая полторы тысячи человек навстречу Новой Ойкумене. Над палубами, заглушая скрип рангоута и рокот набегающих волн, плыл торжественный, многоголосый псалом: люди уходили в неизвестность с надеждами и чаяниями, истово веря, что впереди их ждет Земля обетованная, а их священный долг — нести крест Господень сквозь бескрайнюю водную гладь к сияющим берегам вечного спасения.

Часть 4. Французский маневр

1494 год

Осень обрушилась на итальянские равнины гулом наступающей армии. Альпийские перевалы, скованные ранней изморосью, содрогались от мерного топота десятков тысяч кованых сапог, скрежета тяжелых колес и пронзительного ржания сытых французских боевых коней. Лавина регулярной

армии короля Карла VIII Валуа хлынула в цветущую Ломбардию, напоминая колоссальную, ощетинившуюся пиками стальную змею. Мир Меча и Закона, веками удерживаемый хрупким балансом независимых северных итальянских княжеств, трещал по швам. Французские хоругви маршировали на юг, ослепленные блеском Неаполитанского престола, права на который их монарх считал канонически неоспоримыми.

Но это грандиозное вторжение не было случайным капризом молодого Валуа. За сотни миль от Ломбардии, в прохладной тишине Апостольской канцелярии в Риме, маховик этой войны был запущен одним росчерком пера канцлера Святого Престола Лучано де ла Коста, действовавшего в согласии с императором Священной Римской империи Максимилианом I Габсбургом. Чтобы освоить бездонные просторы Нового Света и наводнить Океан испанскими армадами, Империи и Ватикану позарез требовались живые, свободные деньги. Брать новые кредиты у заносчивых флорентийских и миланских банкирских домов Медичи и Борромео было невозможно — старый итальянский капитал намертво засел в угасающих левантийских ведомостях, парализованный убытками от османских пошлин, и упрямо не желал финансировать атлантический разворот империи.

Лучано де ла Коста изобретательно и точно выстроил подоплеку этого визита, расставив тайных агентов Курии на пути кастильских и французских вестовых, чтобы нужные

бумаги легли на стол Карлу VIII в самый критический для его самолюбия момент. Годом ранее император Максимилиан по наводке Лучано расчистил дорогу французам мирным трактатом в Санлисе, уступив им пограничные бургундские земли. И вот теперь в замке Амбуаз под Парижем разыгрался финальный акт этой теневой уловки. В малом королевском кабинете Карл VIII, приземистый, болезненный юноша с непропорционально большой головой и горящими живым азартом глазами, принимал личного посла императора — барона фон Волькенштейна. Французские маршалы хмуро держали руки на эфесах мечей, а на столе перед королем лежал свежий, доставленный из Тордесильяса пергамент с копией испано-португальского договора. Карл VIII был в бешенстве: его пальцы судорожно комкали край документа, а на бледных щеках горели багровые пятна монаршего унижения.

— Пиренейские выскочки вздумали делить Океан без Парижа?! — сорвавшись на фальцет, прорычал Карл VIII, швыряя тордесильясский пергамент под ноги советникам. — Лиссабон и Мадрид провели черту по глобусу и заперли нас в капкан Суши! Я хотел бы видеть ту статью в завещании нашего праотца Адама, которая делит мир между моими братьями, королями Испании и Португалии, исключая меня из доли! Они думают, что французские рыцари будут безмолвно смотреть, как золото Нового Света течет мимо наших таможен?

Барон фон Волькенштейн смиренно склонил голову, пряча в усах леденящую ухмылку, и выложил на бархатную подушку тяжелый имперский ларец, под крышкой которого тускло блеснула древняя корона неаполитанских королей, тайно выкупленная Веной из частных залогов.

— Перестань гневаться на пустые океанские приливы, Сир, — вкрадчиво произнес Волькенштейн, указывая на порфировый венец. — Мой суверен, император Максимилиан, празднует твое подлинное величие. Вена помнит, что священные права Анжуйского дома на Неаполь беззаконно узурпированы теми самыми арагонцами, что расчертили Тордесильяс. Император не станет оспаривать волю Небес. Если твои полки пойдут восстановить справедливость и заберут живую землю Италии, — Империя гарантирует полную тишину и неприкосновенность твоих бургундских границ. Забирай свое по праву, Карл. Зачем тебе бесплодный Океан, когда богатейшие города Медичи лежат у твоих ног? Сломай Арагон там, где их золото кується.

Карл VIII завороженно зыркнул на порфировый венец, и его гнев мгновенно переплавился в высокомерную, торжествующую ухмылку. Он обернулся к своему коннетаблю, молчаливому и хмурому Пьеру де Бурбону:

— Вы слышали, Пьер? Габсбург дрожит в своей Вене и трусливо сдает нам Бургундию, лишь бы наши полки не пошли на Рейн! Мы накажем Толедо в Ломбардии. Окно открыто. Трубите поход! Мы перейдем Альпы и заставим этих

надменных миланских и флорентийских торгашей, снабжающих наших кастильских конкурентов, глотать пыль из-под копыт нашей конницы!

Король Валуа гордо принял имперский дар, свято веря, что перехитрил Максимилиана и изящно отомстил за Тордесильясский сговор. Он не мог знать, что в этот же день император провернул вторую сделку, тайно продав миланскому правителю Людовику Сфорца законный герцогский титул за баснословные четыреста тысяч наличных дукатов в обмен на то, что Сфорца откроет французам проходы и полностью оплатит их снабжение в Ломбардии. Габсбургские сундуки на Севере получили живую ликвидность, а Империя и Ватикан хладнокровно заманивали французского левиафана в Италию, превращая его армию в бич Господень, в карающий и слепой молот, призванный до основания вычистить былое финансовое пространство чужими руками. Французские полки были лишь бесплатным, надежным инструментом для тотальной ликвидации независимости итальянских банкиров в гроссбухах Ватикана.

Французы привезли в Италию смерть старой фортификации. Вместо громоздких, неповоротливых бомбард, стрелявших каменными ядрами и требовавших дней на установку, Карл VIII выкатил на позиции легкие, литые бронзовые пушки нового типа. Орудия были посажены на двухколесные лафеты с передками, запряженные цугом породистых лотарингских жеребцов. Французская артиллерия передвигалась

со скоростью кавалерийского авангарда. Но главным кошмаром для итальянцев стали снаряды. На смену хрупкому известняку пришли цельнолитые чугунные ядра.

— Заводи рычаг! Выше бери, Жан! — сорванным кузнечным басом проревел капитан французских канониров, опуская обгоревший фитиль к запальной каморе.

Бабах! — оглушительный, рвущий барабанные перепонки грохот литой бронзы разорвал лесную тишину. Тяжелое чугунное ядро со свистом и страшным, воющим гулом врезалось прямо в середину гранитной стены Фивиццано. Столетняя каменная кладка, веками защищавшая тосканских герцогов, не выдержала удара металла — стена с костяным хрустом раскололась, осыпаясь в ров колоссальным облаком каменного крошева. Французская мобильная артиллерия ломала цитадели за считанные часы, превращая старую военную доктрину в прах.

К концу 1494 года этот запущенный Римом и Веной чистильщик выполнил свою грязную работу до последней заклепки. Ворвавшись в Милан и Флоренцию, Карл VIII парализовал местную экономику. Солдаты Валуа, конечно, знатно пограбили тосканские дворцы, бесцеремонно вскрывая ломами дубовые двери великих банкирских домов Медичи. Окованные железом сейфы были опустошены на прокорм французских хоругвей, а векселя сожжены. Но подлинные, живые оборотные капиталы итальянской олигархии, подчиняясь законам капитала, утекли задолго до того, как пер-

вый французский солдат перешагнул порог. Пока Карл грезил рыцарскими трофеями, живая ликвидность полуострова улетучивалась на Север — через швабские конторы Аугсбурга прямиком в строящиеся фактории Антверпена. Старый финансовый мир Италии, упрямо цеплявшийся за мёртвый Левант, оказался полностью демонтирован, разобран до последнего винтика и списан со счетов, освобождая место для безжалостных шестерёнок грядущего времени.

Часть 5. Болотный тупик Эспаньолы

Конец 1494 года

Тропический дождливый сезон превратил побережье Эспаньолы в липкий, сочащийся малярийными испарениями ад. Это была совершенно иная, чуждая европейцам земля. В Кастилии и Португалии суглинки и известняковые плато высыхали за день под сухим ветром месеты, а здешняя глинистая почва, спрессованная корнями вековых мангров, впитывала ливни как губка, превращаясь в бездонную, хлюпающую жижу. Вместо прохладного атлантического бриза воздух веками стоял неподвижно — плотный, перенасыщенный удушливой влагой, пахнущий гниющим камышом, прелыми листьями и испражнениями. Непрекращающийся, монотонный гул мириад москитов висел над побережьем, въедаясь в уши и доводя людей до безумия.

Испанские поселения — Ла-Изабелла и передовые воен-

ные посты в долине Вега-Реаль — являли собой гротескное зрелище. Это были хаотичные, покосившиеся лагеря, спешно сбитые из сырого тропического леса. Крыши из пальмовых листьев протекали насквозь при каждом ночном шквале. Пороховые погреба отсырели, сухари размокли и покрылись плесенью, а драгоценный кастильский овес, привезенный в трюмах нао, сгнил в бочках в первые три недели пребывания на острове.

Тяжелая кастильская кавалерия — огромные, холеные швабские и андалусские дестриэ, закованные в миланское вороненое железо, — вязла в липкой малярийной жиже болот. Лошади гибли десятками от неведомых лихорадок и мутной речной воды, их копыта трескались и отслаивались в сырости, а ветеринары лишь бессильно матерились, вычеркивая боевые единицы из реестров короны. Огромные медные бомбарды и осадные машины, предназначенные для крушения гранитных крепостных стен Европы, бессильно застряли в глине, превратившись в нелепые памятники кастильской спеси. Меч Океана ослеп, покрылся плесенью и увяз в топкой земле Эспаньолы.

Местная экономика индейцев-таино полностью отсутствовала в европейском понимании этого слова. У них не было ни рынков, ни монетных дворов, ни складов, которые можно было бы обложить пошлиной. Их «богатство» ограничивалось крошечными делянками маниока и ямса, которых едва хватало на прокорм общины. Капитал столкнулся с

первобытным строем, где не могло быть налогов, способных генерировать регулярные поступления для Аугсбурга.

Спустя всего восемь месяцев после триумфального отплытия из Кадиса Христофор Колумб с леденящим душу ужасом осознал: он не сможет оправдать оказанное ему высокое доверие короны. Иллюзия быстро окупить проект лопнула.

Стало очевидно, что эту землю надо осваивать с нуля.

Адмирал сидел на грубо обтесанном бревне в главной хижине Ла-Изабеллы, хмуро глядя, как тропический ливень размывает остатки земляного бруствера. Его некогда роскошный пурпурный плащ вице-короля превратился в грязную, промокшую тряпку. Напротив него у входа, опёршись на ржавые эфесы мечей, стояли его вассалы — капитан-нотарий Алонсо де Охеда и королевский казначей Севильской палаты Берналь де Писа.

— Мы обязаны закрыть наши финансовые обязательства, доны, — сиплым от болотной лихорадки голосом произнес Колумб, судорожно сжимая в руках пустой пергамент. — Севилья требует отчет. Охеда, твои люди ходили вглубь Сибао. Где золото? Где каменные города, о которых писали венецианцы?

Охеда цинично сплюнул на земляной пол, растерев сапогом липкую грязь:

— Какие города, адмирал? Там нет ничего, кроме соломенных навесов и голых дикарей, которые разбегаются в за-

росли при первом ржании лошади. Мои идальго прочесали три русла. Мы вымыли вот это.

Капитан швырнул на стол плетеную корзину. Вместо обещанных короне мешков с перцем и мускатом там лежали сухая трава, птичьи перья и несколько унций тусклого, грязного песка, смешанного с болотным илом.

— Это всё? — Берналь де Писа брезгливо ткнул пальцем в корзину. — Этой грязью мы закроем миллионные кредиты Фуггеров? Адмирал, казна пуста. Люди мрут от цинги. Нам нужно менять схему, иначе Якоб Фуггер пустит наши векселя по кругу, и в Кастилии нас встретит котел с кипящим маслом.

— Значит, мы введем подушную подать! — Колумб вскочил, его глаза параноидально блеснули в полумраке. — Объявите касикам: каждый индеец старше четырнадцати лет обязан каждые три месяца сдавать нам полный кожаный наперсток золотого песка! Или двадцать фунтов хлопка! Кто не сдаст — рубить кисти рук! Мы заставим эту землю платить!

Берналь де Писа устало покачал головой, и в его голосе прозвучал сухой приговор бухгалтера:

— Это ерунда, Христофор. Чистый бред безумца. У них нет столько песка в ручьях, они физически не смогут его собрать. А если ты отрубишь им руки — кто будет копать для нас маниок? Твои породистые идальго? Они скорее вскроют тебе горло, чем возьмут в руки лопаты. Твой золотой контур мертв. Здесь ничего нет. Ни сундуков Великого Хана, ни

каменных таможен. Только камыши и зной. Нам нечего занести в ведомости Толедо, кроме могильных крестов наших рыцарей.

Колумб бессильно опустился обратно на бревно, швыряя пустую корзину под ноги нотариусу. Колесо его фортуны, еще год назад вознесшее его на вершину Ойкумены, провернулось с безжалостной, пугающей быстротой. Всего несколько лун отделяли этот убогий глиняный барак от ослепительного кадисского полдня, когда он стоял на шканцах флагмана в пурпурном плаще вице-короля, пьянея от криков толпы и чувствуя себя демиургом, перекраивающим карту планеты. Тот божественный триумф, который должен был вписать его имя в вечность, рассыпался в прах в одно мгновение, стоило империи столкнуться с суровой реальностью этих болот. Демиург превратился в оборванного должника короны...

Эпилог. Геометрия Тордесильяса

В этот самый миг в прохладной тишине Латеранского архива Лучано де ла Коста, изучая свежие портовые манифесты, окончательно разгадал изнанку недавнего Тордесильясского компромисса. Вице-канцлер перечитал протоколы договора, и на его бледных губах заиграла леденящая, пророческая улыбка. Колумб увяз в болотах Эспаньолы со своим бесполезным европейским железом, думая, что схватил Бога за бороду. Он не осознавал, что его Индии — лишь пустая

наживка для отвлечения ресурсов конкурентов на негодный актив, а настоящую маржу португальцы оставили себе.

Теперь стало понятно, почему португальские послы в монастырской келье сидели со столь зловещим, сытым спокойствием. Лиссабон не просто торговался за мили — они точно знали, что Океан скрывает на западе. Пока испанские гранды, исходя криком и ругательствами, дрались за бесплодные багамские пляжи и болотные джунгли Колумба, старый штурман де Соуза хладнокровно отодвигал папский меридиан на триста лиг к западу. Португальцы наверняка разведали земли, что находятся в западной Атлантике, и признали их непригодными, возможно, они же и подкинули Колумбу идею туда сплавать. Этим росчерком пера Португалия без единого выстрела забирала себе ликвидную часть торговли пряностями с Востоком и пространство с удобными ветрами для своих судов, а испанцев отправила в болота. Умно...

Но Лучано понимал, что Новый Свет большой и там будут богатства. Надо их искать, строить фактории, пахать землю, ставить шахты. Казначейская Машина Ватикана не могла позволить себе зафиксировать убыток на балансе. Глава канцелярии медленно опустил ладонь на шершавый пергамент, пряча бледные пальцы в широкие рукава сутаны. Предстоит очень много работы, но Господь милостив, Он не оставит Святой Престол без маржи в Новом Свете.

Лучано устало откинулся на высокую резную спинку дубового кресла и прикрыл глаза, позволяя своей фантазии уй-

ти в свободный полет. В прохладной тишине архива ему отчетливо, почти осязаемо явилась грядущая судьба Нового Света, очищенная от хаоса и ненужной конкуренции. Сквозь малярийный морок Эспаньолы он пророчески зрел, как на этих диких берегах вырастают регулярные каменные цитадели, закладываются глубокие шахты, появляются фермы, распахиваются поля, а в недрах вспоротых гор конкистадоры тоннами добывают серебро. Представшие его мысленному взору караваны судов больше не походили на избитые штормами лохани. Это были колоссальные, регулярные армады — пузатые, многопушечные исполины, идущие под парусами с алыми крестами строго по расписанию. Лучано видел, как эти железные караваны, глубоко осев в воду под колоссальной тяжестью слитков, бесперебойно везут заморское достояние к причалам Севильи и Антверпенской биржи. Тонны золота, серебра, специй. Неисчислимая океаническая рента Нового Света беззвучно ложилась в гроссбухи Святого Престола, намертво замыкая на Ватикане все нити управления миром. Глобальная, абсолютная, непререкаемая власть над Ойкуменой. Он верил в это, он молился за это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.